

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

29 мая 2013 г.

№ 30

5 «МАРКЕТИЗАЦИЯ»

Системная военно-экономическая кампания против постсоветской России. Часть I

6 МОСТ

Ясно одно: не Кожинов дал с советской стороны отмашку на официальную подготовку книги Бахтина к изданию на Западе. Это сделал кто-то гораздо более влиятельный

7 ЯДЕРНАЯ ДОКТРИНА. СОРЕВНОВАНИЕ РАКЕТ

8 НЕОБХОДИМОЕ ПОЛИТИКО-ЛИРИЧЕСКОЕ И ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе».
В. И. Ленин

10 РАЗМЕЖЕВАНИЕ — 2

11 ТРЯСИНА «АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ»

12 ФРАНЦУЗСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ. ПЕРВЫЙ ОПЫТ

13 СИРИЙСКИЙ КОЛОКОЛ — 5

14 КОЛЛЕКТИВИЗМ И ИСТОРИЯ — 4. КАРЛ МАРКС И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

15 ЮГ РОССИИ. ОПАСНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ТРЕНДЫ И ИХ КУРАТОРЫ

16 «НОЧЬ МУЗЕЕВ» ИЛИ АРТ-ТУСОВКА?

«А если этот самый Кургинян возьмет и сотворит рукотворное чудо? И тысячи идеалистических энергичных людей избавятся от всего, что в них поселила «Ч»? И обретут совсем новое качество? Что тогда он натворит вместе с этими, невесть откуда взявшимися, представителями недобитой России?»

От Поклонной до Колонного

Роль нашего движения в той политической войне, которая определяет облик современной России (окончание)

Петя и Вася заинтересованы в том, чтобы их полюбила Катя.

При этом Петя не хочет, чтобы Катя полюбила Васю

А Вася не хочет, чтобы Катя полюбила Петю.

Вася убежден, что если Катя не полюбит Петю, то она полюбит его.

А Петя убежден, что если Катя не полюбит Васю, то она полюбит его.

И Вася, и Петя убеждены, что любовь Кати зависит от того, как она оценивает их качества.

Если Катя даст высокую оценку качествам Пети, то она полюбит Петю.

Если Катя даст высокую оценку качествам Васи, то она полюбит Васю.

Соответственно, Вася делает все возможное, чтобы Катя а) дала максимально высокую оценку его качествам и б) дала максимально низкую оценку качествам Пети.

А Петя делает все возможное, чтобы Катя а) дала максимально высокую оценку его качествам и б) дала максимально низкую оценку качествам Васи.

Для того чтобы Катя дала максимально высокую оценку качествам Васи, Вася использует различные приемы: он побеждает в уличных драках, блестяще выступает на уроках — словом, проявляет те качества, которые нравятся Кате.

То же самое делает Вася. А поскольку и Петя, и Вася хотят не только того, чтобы Катя дала им максимально высокую оценку, но и того, чтобы Катя дала максимально низкую оценку их конкуренту, то для этого также применяются различные приемы.

В каком-то смысле общественно-политические силы — это Петя и Вася, конкурирующие за Катю.

Как и в случае с Катей, могут возникнуть разного рода непредсказуемые ситуации. Например, Катя возьмет и влюбится в Федю. В том числе и потому, что разочаруется в Пете и Васе.

Кроме того, как все мы понимаем, Катя не обязательно круглая дура, которой можно впаривать все что угодно. А не являясь круглой дурой, Катя сформирует оценки Васи и Пети не сообразно их рекламным и антирекламным вывертам. Она и выверты эти распознает. И увидит то, что находится за рамками вывертов. То есть отнаблюдает Петю и Васю в тех ситуациях, которые исключают с их стороны эти самые рекламные выверты. Такие ситуации называются экстремальными. Все понимают, что в экстремальных ситуациях не до рекламы.

Чем более серьезно настроены Петя и Вася по отношению к Кате, тем меньше они будут увлекаться пиаром и антипиаром. Потому что серьезность намерений предполагает совместную с Катей семейную жизнь. Нельзя же всю такую жизнь свести к пиару себя и антипиару конкурента. Конкурент рано или поздно отойдет в сторону, поняв, что Катя решила строить с тобой семейную жизнь. И ты окажешься наедине с Катей. Если ты, оказавшись наедине с Катей, будешь продолжать заниматься хотя бы только пиаром себя (и уж тем более антипиаром конкурента), то это не семейная жизнь, а семейный дурдом. Но если ты, оказавшись наедине с Катей, прекратишь заниматься пиаром себя и антипиаром конкурента, то Катя увидит в ином свете и тебя, и твоего конкурента. И тут или — или. Или Катя влюбилась в напяленную на тебя пиар-маску и ужаснулась той маске антипиара, которую ты напялил на конкурента. Тогда хана вашим семейным отношениям в момент прекращения твоею пиарно-антипиарных кампаний. Или же Кате изначально было наплевать на те маски пиара и антипиара, которые ты использовал. И полюбила она не маску твою, а тебя настоящего. Тогда зачем было затеваться с пиаром? А также антипиаром?

Читатель, конечно же понимает, что я анализирую не любовный треугольник

Вася-Петя-Катя, а те обычные политические конфликты, которые возникают у партий, борющихся за электоральную или иную поддержку общества. То есть те конфликты, которые разворачиваются в соответствии с законами обычной заинтересованности. В данном случае заинтересованности в поддержке обществом твоего политического начинания. Эту заинтересованность Зюганова в поддержке обществом своего начинания и в подрыве поддержки обществом нашего начинания я назвал причиной №1, в силу которой Зюганов и КПРФ развернули против нас разнузданную кампанию черного пиара.

Ну и зачем же нужен этот образ с Петей, Васей и Катей? Для иллюстрации столь очевидного обстоятельства? Образы, читатель, бывают не только иллюстративными. Есть, например, аналитические образы, позволяющие раскрыть в анализируемом явлении то, что иным способом раскрыть или трудно, или вообще невозможно. В соответствии с тем, что такие образы позволяют раскрыть, аналитические образы делятся на слабые и сильные, поверхностные и глубокие. Мне кажется, что образ с Петей, Васей и Катей является достаточно сильным и глубоким. Потому что из него многое следует. В том числе и то, что я уже поведал читателю. Но и не только это.

Вдумаемся: если Петя и Вася любяют Катю, то значит, их пиар и антипиар будет сдерживать не только здравый смысл («с этой Катей надо будет строить семейную жизнь, так что стоит ли пиаром и антипиаром в такой степени увлекаться»). Помимо здравого смысла есть еще, прошу прощения, и нечто совсем другое, касающееся природы любви. Если ты любишь... ну, к примеру, эту самую Катю... то тебе надо, чтобы она была счастлива. Тебе ее счастье важнее своего успеха.

Продолжение статьи — на стр. 2.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение статьи — со стр. 1.

Кроме того, есть еще и некое высшее уважение к себе. На что уж проходившим был Григорий Отрепьев, выведенный Пушкиным в «Борисе Годунове», но и тот, восплавав любовью к Марине Мнишек, захотел снять маску царевича (типичная, между прочим, пиаровская маска своего времени). А все любовь эта самая... Холодная как лед Марина Мнишек, как мы помним, осудила своего ухажера: «Он из любви со мною проболтался! / Дивлюся: как перед моим отцом / Из дружбы ты доселе не открылся, / От радости перед нашим королем, / Или еще перед паном Вишневецким / Из верно усердия слуги». Но Марина это все осудила именно потому, что в ней нет любви. А в самозванце она есть. И потому он не хочет маски, то есть пиара. То же самое с другим пушкинским героем — Дон Гуаном. Это ведь все не частные случаи. Кажется, Самуилу Яковлевичу Маршаку принадлежит достаточно глубокое поэтическое суждение: «Так и поэту нужно, чтоб не грим, / Не маска лживая, а сам он был любим». Тут, как мы видим, речь идет о самости, о подлинности, о другом и ответственности за другого.

А также — о коммунизме. Ибо политические конкуренты борются не за Катю как общество, являющееся совокупностью разномыслящих индивидуумов. Они борются за победу своей идеологии. Поэтому они не могут заключать договор с теми, кто охватывает эту идеологию. Ведь заключив такой договор с дьяволом, они рубят сук, на котором сидят. Как только Сванидзе или Млечин, Венедиктов или Пивоваров, Латынина или Минкин начнут поносить Зюганова, я кинусь на его защиту. Потому что эти антикоммунисты будут поносить Зюганова не вообще, а именно как коммуниста. А значит, заодно они будут поносить идеологию, оскорбляя мои ценности и ослабляя мои позиции. У меня сразу же возникает и идеальная, и иная заинтересованность к тому, чтобы дать им по мозгам, а не потирать руки: «Вот ведь как они Васю охаживают! Катя им поверит, разлюбит Васю и полюбит меня, Петю!» Если я когда-нибудь так поступлю, то в ту же минуту перестану себя уважать.

И есть масса свидетельств тому, что я в ходе передач «Суд времени» поступал иначе, брал на свою скамейку зюгановцев, защищал их от нападок Млечина и Сванидзе.

Ну и что же мы видим?

Мы видим Зюганова, который не просто потирает руки по поводу того, что Сванидзе, Млечин, Немцов, Латынина, Минкин, Венедиктов и другие возводят напраслину на «Суть времени». Мы видим Зюганова, который поет в одном хоре с этими антикоммунистами. И не где-нибудь, а на их сцене, то бишь на «Эхе Москвы». И не как-нибудь, а буквально повторяя их невероятно пошлые, глупые и подлые аргументы.

А раз так, то предлагаемый мной образ Пети, Васи и Кати обладает аналитической силой и глубиной. Но, как мне кажется, этот образ можно использовать и для раскрытия еще более нетривиальных вещей.

Если Зюганов (то бишь Петя) обнимается с антикоммунистами, атакуя Васю (то бишь «Суть времени») ... Если он делает это публично... Если он при этом так саморазоблачается, то он действует не просто в логике грубейшей политической конкуренции. Он действует в чем-то уже и вопреки этой логике. Подчеркиваю, в чем-то он этой логике следует, а в чем-то ей начинает противоречить. А какова тогда может быть логика? Переставая быть интересантой, она становится агентурной. Нарушить логику своих грубейших интересов политический игрок может только по приказу какого-то штаба. Так мы, действовав все тот же образ Пети, Васи и Кати, переходим от анализа причины №1, в силу которой зюгановцы ведут с нами борьбу на уничтожение, к причине №2, в силу которой они а) ведут все ту же борьбу и б) ведут ее вместе со Сванидзе, Венедиктовыми и другими.

И, наконец, все тот же образ Пети, Васи и Кати позволяет иначе раскрыть и причину №3, в силу которой ведется эта борьба, в силу которой заключается у всех на глазах позорный союз Зюганова со Сванидзе, Венедиктовыми и другими.

Я назвал эту причину №3 гетто-интерес-минимум. Вроде бы, раз есть интерес, то можно применять аналитический аппарат, позволяющий раскрыть природу заинтересованности, построить модель конфликта

интересов и так далее. Но это не совсем так. Или, точнее, совсем не так. Что нетрудно доказать, используя все тот же образ Пети, Васи и Кати.

Предположим, что Петя — наркоман. И он знает, что Катя полюбит его, только если он посадит Катю на иглу. Станет ли Петя это делать? Если он любит Катю, то он этого делать не станет. А если он станет это делать, то он Катю не просто не любит... он ее... и ненавидит, и презирает, и так далее.

Сванидзе или Венедиктов — это, образно говоря, поставщики особых гетто-наркотиков, заинтересованные в том, чтобы Катя села на гетто-иглу. А Зюганов? Он знает, что сев на эту иглу, Катя его в каком-то смысле полюбит. Почему полюбит? Ну, во-первых, не станет презирать за то, что он сам сидит на игле. Во-вторых, деградировав, перестанет замечать его слабые свойства. И, в-третьих, возлюбит все то низкое, что в нем, Зюганове, имеется в большой концентрации.

Спрашивается, можно ли такую логику действий: посажу Катю на иглу, и тогда она меня полюбит — назвать рациональным следствием своим политическим интересам? Конечно же нет. Это уже иная логика, требующая иного аппарата для своего анализа. И тут, наверное, пора подвести черту под всем, что касается использованного мною образа любовного треугольника (мол, Петя любит Катю, не любит Васю et cetera) и перейти к строгим понятиям. Каковыми в данном случае являются «эксплуатация» и «архаизация».

СXXXIV.

Две общественно-политические организации: КПРФ и «Суть времени» строят между собой определенные отношения не в безвоздушном пространстве, а соответственно процессу архаизации, являющемуся альфой и омегой происходящего.

КПРФ рассуждает так: «Мы знаем, что чем больше избиратель будет архаизирован, тем выше будет поддержка нас этим избирателем. И потому, что избиратель возненавидит тех, кто его травмировал архаизацией. И потому, что архаизация сделает избирателя типичным обитателем гетто, аплодирующим нашим примитивным проклятиям в адрес архаизатора. А значит, мы заинтересованы в архаизации. Да, мы должны проклипать архаизаторов! Но именно они позволяют нам стать теми, кем мы хотим. То есть туземными вождями, окормляющими обитателей гетто».

Но вот появилась другая организация — «Суть времени», которая, как и мы, апеллирует к коммунизму. Да, она апеллирует к нему по-своему. Но главное не в этом. А также не в том, что ее победа над Сванидзе и Млечиным, ее конкретные дела и многое другое разительно отличаются от нашего идеологического и организационного ретро. Главное — что «Суть времени» всерьез намерена бороться с архаизацией. А значит, она, а не Сванидзе и Млечин, Венедиктов и Латынина, Минкин и Пивоваров — наиболее опасна для нас. Подавление «Сути времени» является нашим общим интересом со всеми антикоммунистами. Ведь антикоммунисты архаизируют общество! А значит, передают его под наш контроль, ибо мы являемся хозяевами красного гетто. А «Суть времени» объявляет войну всем гетто — как красным, так и иным.

Поэтому воевать всерьез надо не с архаизаторами! С архаизаторами надо вести балаганную псевдвойну. Ведь они, честно говоря, приносят нам огромную пользу. Всерьез воевать надо только с «Сутью времени».

Как тебе нравится такая логика, читатель? Как тебе нравится такое отношение к архаизации?

Что? Тебе ближе иной язык, и ты хотел бы, чтобы я все то же самое проанализировал, апеллируя не к архаизации, а к эксплуатации? Ну, что ж, попробую.

СXXXV.

Представьте себе марксистов, которые рассуждают так: «Капиталисты наращивают эксплуатацию. Мы ругаем эксплуататоров и завоевываем симпатию эксплуатируемых. Вывод — нам выгодно, чтобы эксплуатация нарастала. И потому мы, ругая эксплуататоров, будем оказывать им всяческое тайное содействие в том, что касается роста эксплуатации».

Читатель, потребовавший от меня перевода аналитических метафор и моделей с языка архаизации на язык эксплуатации, выразив удивление исполнением его желания, скажет: «Наконец-то вы перевели все на марксистский язык. И нарисовали политический портрет марксистов определенного типа. Считавших, что у них общий интерес с теми негодяями, которые стремятся к максимальной эксплуатации пролетариата».

материалист, — и что? Класс-то эксплуатируемых останется! Он обнаружит предательство! Предателям несдобровать! Дело эксплуатируемых защитят сами эксплуатируемые! У них достаточно для этого сил! Вы поймите же — эксплуатируемые просто обречены на победу. Сама история — история, понимаете! — делает их могильщиками капитала и строителями великолепного нового общества».

Как мы убедились, тотальная историчность истмата основана на аксиоме, согласно которой эксплуататоры роковым образом обречены развивать эксплуатируемых, превращая тем самым этих эксплуатируемых в своих могильщиков. Эта аксиома не предполагает архаизации, читатель. Она предполагает только эксплуатацию во всех ее вариантах.

Попробую пояснить это на конкретном примере. Незрелый рабочий, в руки которого капиталист передает примитивные средства производства, создает для капиталиста, ну, скажем, десять единиц стоимости. В силу закона прибавочной стоимости, капиталист забирает у рабочего восемь единиц. И оставляет рабочему две единицы. Капиталист обокрал рабочего всего лишь на восемь единиц. Рабочий, получив две единицы, еле сводит концы с концами, подголаживает, живет в антисанитарных условиях, не имеет свободного времени для саморазвития.

А вот зрелый рабочий, в руки которого капиталист передает сложные средства производства, живет совсем иначе.

Так, к примеру, рассуждал Парвус. Мол, чем хуже, тем лучше... И за это, кстати, был нещадно бит Лениным. Но так рассуждали и те, кто говорил, что немецким коммунистам не надо бояться прихода к власти Гитлера. Что это ускорило коммунистическую революцию в Германии. Ну, и что? Нарисовав такой портрет, вы лишь подтвердили, что причину №3, она же гетто-интерес-минимум, можно анализировать, используя аппарат, основанный на конфликте интересов. То есть аппарат истмата».

Прошу прощения, читатель... Но аппарат истмата пригоден только для рассмотрения конфликта между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

А для рассмотрения сговора между партией эксплуатируемых и эксплуататорами нужен как минимум какой-то спецаппарат.

Ибо такой сговор — это Игра, а не История. Истмат же не только материалистичен. Он еще и тотально историчен. Он не предполагает сговора партии эксплуатируемых с классом эксплуататоров. Ведь такой сговор ироничен, как и любая игра. А истмат иронии на дух не принимает. Истмат тотально всерьезен. В этом, кстати, и его слабость, и его сила.

Да, согласно истмату возможно предательство партии того класса, интересы которого она призвана выражать. И горбачевская перестройка знаменует собой именно такое предательство. А коли так, нельзя говорить о наивности истмата, неспособно даже вообразить себе ситуацию сговора партии эксплуатируемых с эксплуататорами. Не в наивности беда истмата, а в другом. В чем же именно?

В той самой тотальной историчности, о которой я уже говорил. «Ну, предаст партия тот класс, интересы которого она должна выражать, — скажет вам исторический

Да, он создает для капиталиста не десять, а сто стоимостных единиц. Да, капиталист, в силу все того же закона прибавочной стоимости, обкрадывает такого развитого рабочего даже больше, чем рабочего неразвитого. В самом деле, у неразвитого рабочего капиталист отнял всего лишь восемь стоимостных единиц. А у развитого девяносто. Девяносто больше восьми, не правда ли? Но неразвитому рабочему капиталист оставил две стоимостные единицы, а развитому он оставил десять. На эти десять стоимостных единиц развитый рабочий (еще раз подчеркну, ограбленный капиталистом даже больше, чем неразвитый) живет вполне прилично. То есть, не голодает, имеет свободное время, нормальную жилплощадь и многое другое.

А почему капиталист не оставил развитому рабочему всего две единицы, ограбив его не на девяносто, а на девяносто восемь единиц? Ведь капиталист и впрямь беспрядельно жаден! Так-то оно так, но капиталист понимает, что сто стоимостных единиц ему может принести только развитый рабочий. То есть рабочий, имеющий условия для развития. А обзавестись такими условиями рабочий может, только если ему оставить десять стоимостных единиц. Это называется «воспроизводство рабочей силы определенного качества». Подчиняясь закону такого воспроизводства, вытекающему из закона наращивания стоимости при действовании сложных средств производства и сложного труда, капиталист превращает рабочего в своего могильщика. Он превращает рабочего в своего могильщика тем, что этого рабочего развивает. Этим и только этим. Перестанет развивать — лишится произведенных ста стоимостных единиц и девяносто единиц прибавочной стоимости.

«А если, — скажет убежденный исторический материалист, — какой-то отдель-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

ный капиталист почему-то окажется более дальновидным, чем класс в целом, и озаботится отдаленной угрозой превращения пролетария в могильщика капитала, то его сосед, другой капиталист, этим не озаботится. А значит, озаботившийся капиталист разорится в силу закона капиталистической конкуренции».

«А если, — продолжит он, подводя черту, — все капиталисты какой-нибудь страны почему-то договорятся не создавать могильщика в виде усложненного пролетария, капиталисты другой страны получат выгоду, не присоединившись к этому отказу. А значит, эта самая другая страна разгромит ту страну, в которой капиталисты окажутся настолько дальновидными».

«А если, — спросите вы такого исторического материалиста, — все капиталисты всего мира сразу договорятся о том, чтобы не создавать себе могильщиков в виде усложнения труда, совершенствования средств производства и так далее? Что тогда?»

Убежденный исторический материалист вам ответит: «Это возможно, только если нет рынка, если нет национальных государств, если нет конкуренции (и рыночной, и между капиталистическими державами). А если всего этого нет, то нет и капитализма».

«А что же тогда есть?» — спросите вы исторического материалиста.

Он вам ответит, что после капитализма возможен только коммунизм. А, значит, это и есть коммунизм.

«Помилуйте, — возопит вы, — какой же это коммунизм? Эксплуатация сохранена... Сокоупный мировой, прочно договорившийся эксплуататор жестоко эксплуатирует сокоупного мирового, тиранически преследуемого рабочего...»

На это исторический материалист вам ответит, что такой, по его мнению, почти фантастический вариант, мгновенно приведет к восстанию рабочих. То есть к созданию коммунистического общества.

Если вы в ответ скажете, что рабочего, которого не нужно развивать, можно так придавить, чтобы он уже и не помыслил о восстании, то вам скажут, что вы фантазер того же розлива, что и Джек Лондон, написавший роман «Железная пята».

Что исторический процесс предполагает замену первобытнообщинного строя рабовладельческим, рабовладельческого феодальным, феодального капиталистическим, а капиталистического — коммунистическим. И что История не позволит никому повернуть свое колесо вспять.

«История невероятно могущественна, — скажет вам исторический материалист, — Каждый, кто кинется поворачивать вспять ее колесо, окажется раздавлен».

«А кто вам сказал, что история так могущественна, и что нет столь или даже более могущественных контристорических, постисторических сил?» — воскликнете вы.

Вам ответят, что исторический материализм — это исторический оптимизм. То есть вера в неумолимую направленность исторического процесса. Что только эта вера помогла коммунистам в тюрьмах, на каторгах...

Впрочем, скорее всего вы добьетесь от исторического материалиста подобной апелляции к символу его веры уже в застенке, куда и его, и вас посадят «железная пята».

В конце концов, в фашистских застенках немецкие коммунисты спорили с немецкими сокамерниками-гуманистами, не разделявшими их посылов, и очень обижались, когда те кричали: «Ну, где же восстание немецкого пролетариата под гнетом немецкой «железной пята»?».

При этом делили пайку. Помогали друг другу. Утешали слабых, когда наступало время идти в газовые камеры. Порою даже организовывали какие-то там восстания с понятным, в общем-то, результатом. Освободил этих бедолаг советский солдат. И что — уже в момент освобождения — было сказано историческим материалистом? Что «железную пята» сокрушила История, а не какой-то там советский солдат. И что максимум максимум История действовала через этого солдата. И уж никак не более того.

Так-то вот.

Почему та же история не раздавила Горбачева так, как раздавила фашистскую гадюку? На этот важнейший вопрос никакой исторический материалист отвечать, конечно, не будет.

Так что если вы хотите, чтобы «железная пята» не была окончательной, — освобождайтесь от безграничного исторического оптимизма, осваивайте то, что находится за его границами и... И создавайте нового советского солдата для нового освобождения, помня при этом, что «железная пята» уже пришла в ваш дом. Что она учла все предыдущие ошибки свои. И научилась укрощению Истории. Научилась творить регресс, создавать зоны «Ч», архаизировать современное общество, проявлять особую, уже некапиталистическую, по сути своей, элитную солидарность.

СХХХVI.

Пока что я всего лишь перевел на язык эксплуатации все то, что адекватно может быть изложено только на языке архаизации. Ну, а теперь...

Напиши, читатель, на листе бумаги слово «Эксплуатация»...

Ниже на этом же листе бумаги напиши другое слово — «архаизация».

И постарайся себе представить, чем эксплуатация, даже самая жестокая, отличается от архаизации. Если ты это по-настоящему и поймешь, и переживешь — то возможна твоя настоящая встреча с трагедией нынешней исторической эпохи. Или, точнее сказать, нынешней — уже не вполне исторической — ситуацией.

Только тот, кто это осознал и пережил, способен всерьез провести разделительную черту между политической и социальной теорией, лежащей в основе «Сути времени», и историческим материализмом. Но бог с ней, с этой разделительной чертой! Есть, к сожалению, и другая, касающаяся не идей, а реальности. Я имею в виду разделительную черту между эксплуатируемыми и архаизируемыми, между эксплуататорами и архаизаторами...

Так в чем же фундаментальная разница между эксплуатацией и архаизацией?

В том, что эксплуататор использует человека, соединяя его со средствами производства вещей, для того, чтобы этих вещей было побольше. Тогда-де, мол, я из этого «побольше» лвиною долю оставляю себе в виде прибавочной стоимости, а кое-что отдаю для воспроизводства человеком его, так скажем, рабочей силы.

Архаизатор соединяет человека не со средствами производства вещей, а со средствами производства самого этого человека. Тем самым архаизатор доводит до предела тот процесс овещствления человека, который постоянно наращивала предыдущая капиталистическая формация.

Капитализм всегда косвенным образом производил человека через производство вещей. Но во второй половине XX века он получил в свои руки средства прямого, а не косвенного производства человека. Используя эти средства, развив их и, по сути, превратив в новый базис, капитализм перестал быть капитализмом в строгом смысле этого слова. И при этом не стал коммунизмом. Когда исторический материалист заявляет о том, что все определяется собственностью на орудия и средства производства, он говорит правду. Беда лишь в том, что он немного не договаривает. Он не отвечает на вопрос о том, орудия и средства производства ЧЕГО находятся в руках у собственника. Потому что он подразумевает, что речь всегда идет об орудиях и средствах производства вещей. Да, речь очень долго шла именно об этом. Но сейчас доминировать начинают орудия и средства производства людей. Причем, речь идет не о метафоре. О метафоре можно было говорить и ранее. Теперь же можно говорить об орудиях и средствах производства людей в прямом, а не метафорическом смысле этого слова.

Производя людей так, как когда-то производились вещи, собственник на орудия и средства ЭТОГО производства убежден в своей способности произвести «человека архаического», «человека регрессивного», «человека расчеловеченного», наконец. То есть человека, разлученного с Историей однажды и навсегда. Этого человека можно сделать сколь угодно зависимым от произведенных с его же помощью вещей... Или произведенных с чьей-то помощью знаков, образов, символов. Подчеркиваю, собственник на орудия и средства производства людей — убежден в своей способности произ-

водить человека, беспредельно зависимого и от вещей, и от знаков, и от чего угодно еще. Да, такой человек не будет достаточно инициативен. Да, антропопроизводство несовместимо с творчеством. И конечно же, с гуманизмом. Ну и что? Надо понимать, что новый уклад содержит в себе предельный вызов. Такой вызов, которого не содержали в себе ни рабовладение, ни феодализм, ни капитализм... ни даже гитлеровский фашизм.

Засим пора переходить от анализа причины №3, в силу которой Зюганов и Сванидзе одинаково ненавидят «Суть времени» (она же гетто-интерес-минимум) к анализу причины №4 (она же гетто-интерес-максимум). Оговорив при этом, что речь идет о том же гетто-интересе, а значит, вся наша теория нового уклада, основанного на производстве людей, а не вещей (а также гетто, архаизации, зоны «Ч» и так далее), может быть задействована без каких-либо существенных корректив.

Гетто-интерес-максимум...

Приходит, знаете ли, к Зюганову, вполне смирившимся с ролью полностью подчиненного африканерам окормителя гетто, этаким, знаете ли, бес... Приходит и говорит: «А вдруг!»

«А вдруг, — говорит он Зю Смиренному, — хозяева уже сделали ставку на тебя? Ведь именно такую ставку в определенный момент сделал хозяин ЮАР «Де Бирс»... Мучился, мучился этот «Де Бирс» с неуклюжими и амбициозными африканерами... Они все больше хотели и все меньше могли... Опять же — новые веяния... Эти самые права человека... Необходимость ухода от примитивных форм расизма... ну и прочая дребедень... Наконец, взял «Де Бирс» и поставил на Манделу. Геннадий, ты, конечно же, не Мандела. Но мало ли что нужно хозяину! Вдумайся! Мандела был лишь эпизодом. С его помощью локальные гетто — бантустаны — превратились в региональное макрогетто под названием демократизированная ЮАР, освобожденная от расизма. Никто не занимается, как ты видишь, избавлением южноафриканских черномазых от наследия гетто. Нет, этих черномазых все больше геттоизируют, но уже в масштабах всей страны. Высокие белые хозяева сдали африканеров и стали опираться на вождей гетто. Беспомощность ЮАР усилилась. Цены на сырье снизились. Вместо амбициозных африканеров приходится иметь дело с достаточно податливыми окормителями гетто.

А ну как, Гена, и тебе подвезет? Согласен, шансы невелики. Но они же есть. Ведь на «Братьев-мусульман» оперлись белые хозяева? А почему оперлись? Потому что те хотят загнать исламский миллиард в гетто контрмодерна. А почему бы тебе не загнать русских в гетто под красным флагом окончательно? Белые хозяева знают, что ты податлив, послушен. Вон, уже и Байден сказал, что будет тебя поддерживать. Так и сказал: «Никогда не думал, что буду поддерживать коммунистов, а теперь придется». Ты только подумай, Гена, как мы с тобой порезвимся. Эх-ма! Чубайс оторопееет!»

Вот тут Зю Смиренный превращается в Зю Возжаждавшего... Каждый, кто это видел, меня поймет. Впрочем, дело тут совсем не сводится к метаморфозе Зю.

В 1995 году вся верхушка ГКЧП, уже освобожденная и проникнутая твердой верой в победу Геннадия Зюганова в 1996-м, пришла в мой ЭТЦ смотреть двухсерийный фильм о героях ГКЧП. Фильм снимали какие-то непонятные хлопцы. Пока верхушка упивалась фильмом, я поговорил с этими хлопцами. Они носили, как положено, золотые цепи. Одеты были, опять-таки, как положено, в длинные кожаные плащи. Затылки были выбриты, опять-таки, как положено. Членов ГКЧП хлопцы называли очень уничижительно. Настолько неприлично, что я не буду это воспроизводить.

Я спросил хлопцев: «А если вы так плохо относитесь к этим людям, зачем вы тратите на них и время, и деньги?»

«Как зачем?» — ответил мне главный хлопцев. — Они вот-вот к власти придут. И вот тогда мы наворуемся вдосталь».

В глазах у хлопца была поразительная мечтательность, очень напоминающая ту, которая засветилась в глазах Зюганова, когда он услышал от Байдена: «Никогда не думал, что буду поддерживать коммунистов, а ведь придется».

Я уже не раз рассказывал, что на телепередаче у Минаева пытался урезонить Мельникова, одного из самых сановитых приближенных Зюганова, и убеждал его: «Ну, скажите, что это неприлично! Что вы осуждаете Байдена!»

Мельников молчал. В глазах у него светилось все то же самое, что и у Зюганова, а также у этих хлопцев: «А вдруг!»

А вдруг решатся Хозяева, они же антрополисты, на архаизацию и геттоизацию России под красным флагом? Это вам не «коммунизм как советская власть плюс электрификация всей страны». Это зюгановизм-байденизм как «КПРФная власть плюс геттоизация всей страны».

За этим неминуемо воследует окончательная дискредитация коммунизма, Нюрнберг-2, создание супер-Освенцима на нашей разделенной территории...

Впрочем, такой гетто-интерес-максимум лишь на секунду и с крайним сомнением вспыхивает в глазах КПРФных вождей. Вскоре они понимают, что это слишком прозрачный шанс. И начинают осваивать тот ресурс, который им предоставляет гетто-интерес-минимум.

Причина №5 — тоже описанная уже мною ранее — турбулентность. Она же последние политические времена. Исчерпание гигантских эпох — а мы имеем дело с исчерпанием всей эпохи модерна, пришествием в мир хаоса в таких дозах, в каких он обычно в мир не приходит... Все это тяжелое испытание для человеческого разума. Оно же — сдвиг в сторону политического безумия, обесовления, всего того, что именуется волей к смерти.

Подрядились давеча работать против «Сути времени» пара очень мелких политиков и один священник — такой оригинальный, что дальше некуда.

И священник, и эти мелкие политические фигурки — все вдруг по указке одного политтехнолога заговорили о том, что слишком много во мне энергии. А когда ее много, то ясное дело, откуда она. От темных, так сказать, сил. Источником энергии могут быть самые разные силы. Но когда горящие по себе знают, что энергичность бывает только темной, то это знаете ли, диагноз. И чего только ни порассказали о себе эти охотники за темной энергией! Ничего более бесовского, чем их тексты, и вообразить себе невозможно.

Так что готовьтесь еще и к охоте мертвого духа за живым. Вы несете в себе этот живой дух. Мертвый дух начинает корчиться от ненависти и, кстати, в полном соответствии со всеми предсказаниями о последних временах — начинает именовать мертвым духом вас, а себя, конечно, духом живым.

Причина №6 — «свой-чужой». Она проще, чем то, что связано с последними временами. Но это, скажем так, психологический эквивалент того обесовления, которое проявляет себя в эффекте последних времен. «Суть времени» чужда, потому что она, так сказать, выпендривается. Члены «Сути времени» не берут денег. Они и бескорыстны, и самоотверженны. Они сами тратят на цели организации последнее. Это не может не бесить тех, кто все делает только за деньги. И кто уверен, что остальные — такие же. А те, кто не такие же, — гады и выпендрожники.

Причина №7 — очень близка к причине №6. И все же она немного другая. Те, кого я описывал, анализируя причину №6, видят, что «Суть времени» — это нечто слишком другое. И ненавидят за это «Суть времени». Те же, кого я вкратце опишу сейчас, не хотят видеть того, что «Суть времени» — это совсем другое. Потому что тогда ты увидишь в зеркале «Сути времени» свою скотскую харю. Адресую здесь читателя к предыдущим моим размышлениям о Персе и зеркале.

Тем, кого я описывал в причине №6, уже хорошо в скотском состоянии. И они наезжают на «Суть времени» с обвинениями, сконструированными по принципу «вы не скоты — значит, плохие». Те же, кого я описываю сейчас... Им в скотском состоянии еще не достаточно хорошо. Поэтому они визжат на «Суть времени»: «Не лгите, что вы не скоты! Потому что если вы и вправду не скоты, то нам совсем невыносимо будет пребывать в своем скотском состоянии. Поэтому, даже видя, что вы не скоты, мы будем говорить себе и другим, что вы скоты, скоты, скоты...»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение статьи — со стр. 3.

Что это напоминает? На заре перестройки я показал в Каунасе спектакль «Борис Годунов». Уже окончательно оскотиненные журналисты, посланные в этот самый Каунас Союзом театральных деятелей, орало: «Га! Тут что-то нескотское, а все нескотское — это плохое!»

«Мы, мы хорошие!» — кричал Минкин, теперь все время лицемерно переживающий по поводу духовной деградации российского общества. «Мы настоящие скоты, как представители самого хорошего из того, чтобы может быть!» — визжал он как резаный по заказу своих хозяев. «А вы нам, скотам, что-то нескотское предлагаете! Так мы вам скажем, чтобы вы шли вон! Что нам нужно только скотское, то бишь карбонаты и мультфильмы!»

Теперь Минкин сюсюкает: «Боже мой, только карбонаты и мультфильмы — и ничего больше! Что же это такое?»

Но Минкин — это, так сказать, иллюстрация на тему причины №6 в ее тогдашнем каунасском варианте. Что же касается причины №7 в том же каунасском варианте... М-да... Она, причина эта, позакончистее.

Рядом с полуграмотным Минкиным сидела театровед из Ленинграда, доктор наук. Вполне себе того... рафинированная. И по очень многим причинам Минкина глубоко презирающая. Что же сказала она, посмотрев спектакль «Борис Годунов» театра «На досках»? «Если это спектакль, — сказала она, — то я не критик. А если я критик, то это не спектакль. Я, конечно, вижу, что это спектакль. Но поскольку я никогда не скажу, что я не критик, то я буду говорить, что это не спектакль».

Такая экзотическая тирада зафиксирована, я думаю, в стенограммах Союза театральных деятелей. Извергнув эту тираду, рафинированная критикесса начала подробно разяснять, почему спектакль «Борис Годунов» в постановке театра «На досках» не нужен народу. В двух словах это сводилось к тому, что народ надо загонять в гетто, а этот спектакль пытается пробудить дух народа и не допустить гетто. Впрочем, это были уже виньетки.

Главное же — в той боли, которую порождает наличие рядом с тобой, уже вовлеченным в погибель, чего-то, в эту погибель не вовлеченного. Если бы ты был вовлечен до конца в погибель, то ты бы просто гоготал, как Минкин, и требовал карбонатов и мультфильмов. А поскольку ты вовлечен в погибель не до конца, то тебе очень больно от того, что рядом с тобой есть то, что в эту погибель вообще не вовлечено. Вот ты и хочешь избавиться от этой боли, убив то, что в эту погибель не вовлечено. А как иначе-то?

Самому выбираться из потока, волочущего в эту самую погибель? Нет уж, дудки. Это знаете ли, слишком накладно. А вот убить то, что не вовлечено — словом убить или как-то еще... Это самое оно.

Причина №8 описана мною в редакционных статьях, названных «Реакционная аналитика». Их было три. Здесь кратко повторю то, что там изложено. Март 2013 года. Д. Медведев, премьер-министр и глава партии «Единая Россия», выступая перед членами этой партии, говорит о том, что «Единая Россия» — это партия консерваторов. И что у консерватора есть один враг — реакционер. Реакционер — это тот, кто тянет назад. Консерватор же не тянет назад и дружит со всеми, кроме реакционеров.

Итак, налицо перегруппировка сил. Консерваторы дружат с оранжевыми (возьмем, к примеру, сюжет с И. Пономаревым и «Сколково», а ведь это только капля в море подобной дружбы, она же «медвединг», она же «выход на Болотную лучших людей России» и так далее). Формируется коалиция консерваторов-неогорбачевистов и оранжевых-неоельцинистов. Ей должны противостоять те реакционеры, которым положено войти в ряды неогорбачевистов. Как только перегруппировка завершается, новый Горбачев и новый Ельцин расправляются с новым ГКЧП.

Силам, осуществляющим такие политические маневры, очень мешает «Суть времени». Собственно, причина №8 заключается в том, что «Суть времени» строит нечто, не вписывающееся в данный формат. Ведь и в 1991 году руководимый мною ЭТЦ сооружал нечто, не вписывающееся в формат ГКЧП, то бишь новый съезд партии с выборами нового генерального секретаря КПСС. И переходом КПСС в оппозицию. Это было

ломкой формата. Вой по поводу ЭТЦ стоял немалый: «Как вы смеете наш формат ломать, негодяи!»

Причина №9, порожденная все теми же маневрами, отличается от причины №8 тем, что силы, ненавидящие нас, сообразно политической логике, изложенной в моих размышлениях о причине №8, ненавидят «Суть времени» за то, что она хочет сломать формат («какие-то там Народные собрания, гражданское самоуправление, углубление демократии — вот гады!»). А есть силы, ненавидящие нас тоже по причине этих самых политических маневров. Но они ненавидят нас не за то, что мы ломаем формат. Они нас ненавидят за то, что в рамках этого формата группа, которую они называют реакционной, может оказаться достаточно гибкой и умной. Ну, как за это не возненавидеть?

Причина №10 становится абсолютно очевидной при внимательном рассмотрении войны с «Сутью времени», которую ведет «Национальная родительская ассоциация» (НРА). На первый взгляд, причина банальна. Мы создали «Родительское Всероссийское Сопротивление». Они создали «Национальную родительскую ассоциацию». Казалось бы, все можно свести к грубейшему конфликту интересов. Но это совсем не так. Исполнительный директор НРА Комов подробно рассказывает симпатизирующему ему отцу Дмитрию Смирнову о том, что НРА опирается на поддержку «Фонда Василия Великого» и таких крупных бизнес-игроков, как Евгений Юрьев. Реальным держателем «Фонда Василия Великого» является долларовый миллиардер Константин Малофеев, начинавший свою блистательную карьеру в компании «Ренессанс».

Что же касается Евгения Юрьева, то он в эпоху президентства Медведева был советником Медведева по социальным вопросам. И рекламировался как супер-Юргенс (надеюсь, что читатель еще не забыл про роль И. Юргенса и его ИНСОРА, этих проводников радикальной либерализации в ее крайне специфическом варианте).

Господин Юрьев — создатель бизнес-структуры «Атон», которая вместе с международной крупнейшей структурой Franklin Templeton Investment создала структуру «Темплтон». Franklin Templeton Investment — огромная инвестиционная корпорация, одна из крупнейших в мире. Специализируется она прежде всего на инвестициях в развивающиеся страны. Причем она осуществляет эти инвестиции так, что они дают до 600 процентов в год. То есть речь идет о наисвирепейшем грабеже этих самых развивающихся стран, не правда ли?

Действиями Franklin Templeton Investment на восточно-европейском направлении (и прежде всего, в России) руководит некий господин Мобиус.

Попытаемся сопоставить этого Мобиуса с Браудером. А также со знаменитым Джорджем Соросом. Напомню читателю, что Джордж Сорос много работал с «Ренессансом», в котором начинал Малофеев. И что у истоков «Ренессанса» стоял очень знаковый персонаж — Борис Йордан, представитель безэмигрантской семьи, не чужавшейся в своей войне с Советской Россией никаких союзов. Деникин чурался, а Йорданы нет. Но не будем отвлекаться на подробное

рассмотрение сюжета с Йорданом, при всей его важности. И вернемся к сопоставлению Мобиуса, этого ближайшего друга Евгения Юрьева, с Браудером и Соросом. Так вот, оба этих великих хищника по сравнению с Мобиусом — дети малые. Это не мое частное мнение. Я успел до написания этих строк поговорить с экспертами по данному вопросу. И они единодушно, что бывает редко, подтверждают эту мою оценку.

От Мобиуса и Йордана нити тянутся к совсем уж крупным международным структурам. Но здесь нет места для рассмотрения этих нитей. Ибо для нас намного важнее другое. А именно, кто является генеральным директором «Фонда Василия Великого». А им является — и для этого достаточно внимательно прочитать официальные документы фонда — господин Зураб Чавчавадзе.

Читатель уже, надеюсь, ознакомлен с моим подробным рассмотрением данного вопроса в статье «66, или Ультиматум Путину». Так вот, Зураб Чавчавадзе и его брат Николай — это главные борцы за вынос Ленина из Мавзолея и ликвидацию некрополя на Красной площади. Их ультиматум Путину основан на том, что если этого не сделают, то не будет инвестиций в Россию. Чьих инвестиций? Смотрите выше.

Почему для этих инвестиций нужно разрывать кладбище — тоже известно. Нам давно уже объяснили (и братья Чавчавадзе, и многие другие), что без разрывания кладбища невозможна монархия в России. А господин Белковский и другие объяснили нам, что монархия в России возможна только с отделением Северного Кавказа и под давлением внешних сил. То есть в режиме оккупации и расчленения РФ.

Как разрушается синтез, все понимают. Задействуются наитупейшие конфессиональные силы, восклицающие: «Какой еще там синтез! Окститесь!» Наитупейшие националистические силы. И наитупейшие коммунисты, которым никакой синтез тоже не нужен.

А кто стоит за спиной наитупейших или притворяющихся наитупейшими?

Те силы, которые уже облизнулись и на православие, связанное с восхвалением Власова и даже его канонизацией. И на другой ислам... И на Краснова... И на другие национализмы...

Словом, на все, что проникнуто не духом возвеличивания России, а духом «Ч». Духом СС в различных его вариантах. Поверь, читатель, я не сгущаю краски. И детская тема, уверяю, вписана в виде шестого слагаемого именно в подобный весьма далеко идущий замысел.

Я подхожу к рассмотрению последней причины. И читатель может выразить недоумение по поводу того, что я не рассматриваю связей между причинами. Но я их на самом деле уже рассмотрел. Что может связать НРА, «Фонд Василия Великого», ненавистников Ленина и всего советского — с Зюгановым? А ведь одни и те же люди воюют с нами от имени Зюганова и этого самого НРА.

Специфическая геттоизация (чуть было не сказал «гитлеризация»). Именно на этот стержень нанизывается все остальное... Шкурные интересы... Команды штабов... Комплексы... Темные бесовские вождения... Ненависть ко всему живому в России... И уж тем более ненависть к ее идеологическому обновлению в неосоветском духе. А если за этим обновлением стоит еще и новый проект... Ты уже все понял, читатель? Ты уже посмотрел на себя в это зеркало? Посмотри еще и еще раз. Ибо без этого идентификация будет неполной. И Горгона фашизма восторжествует.

Что же касается причины №12, обсуждением которой я завершаю свое исследование, то она имеет три одинаково функциональных слагаемых. Каждое из которых содержит в себе «а если».

Наиболее тупое «а если» звучит так: «А если ОНИ — такие, как они есть, — станут, так сказать, опричиной Путина?» Об этом воюют очень и очень многие. Конечно же, наиболее тупые. Но не всегда наиболее тупые являются наименее влиятельными.

В исполнении менее тупых «а если» звучит иначе: «А если ОНИ оседают турбулентность?» ОНИ — это мы, читатель. Этого испугался Обама зимой 2011–2012 гг. Этого боятся все, кто занят перестройкой-2. Потому что для успеха перестройки-2 весь протест должен быть антипатриотичен и разрушителен. Наличие другого протеста уничтожает перестройку-2. Поэтому так ненавидит нашу идею патриотической оппозиции. Да, именно патриотической и именно оппозиции. У, как они по этому поводу воют.

А наименее тупые (я не хочу называть наиболее умными) задействуют все тот же принцип «а если» гораздо более экзотически. «А если, — спрашивают они, — этот самый Кургинян с его сложностью, его парадоксом, его университетскими заморочками, возьмет и сотворит какое-нибудь рукотворное чудо? В рамках которого тысячи идеалистических энергичных людей избавятся от всего, что в них поселила «Ч»? И вдобавок обретут совсем новое интеллектуальное, волевое и духовное качество? Мы понимаем, — говорят эти наименее тупые, — что это в принципе невозможно. Но и такие победы над Сванидзе и Млечиним были невозможны. И Поклонная гора. И Колонный зал. Так мало ли что еще он натворит вместе с этими, невесть откуда взявшимися, представителями негодности нами России?»

Ты уже все понял, читатель? Вглядись еще и еще раз в это зеркало — и сделай именно то, чего все они боятся. То есть невозможное. Оно же — следующий шаг от Колонного куда-то еще.

Мы встретимся с тобой для обсуждения этих новых шагов. Но это будет уже другое исследование. Это, увы, закончено. Почему увы? Потому что всегда немного грустно завершать такие исследования.

До новых встреч в рамках новых исследований, читатель!

И до встречи в СССР!

Сергей Кургинян

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Неотвратимость поражения определялась тем, что огромная часть советской номенклатурной элиты и в Москве, и в республиках уже признала поражение СССР, и была внутренне готова к его окончательному предательству

«Маркетизация»

Системная военно-экономическая кампания против постсоветской России. Часть I

Военно-экономическая кампания команды Рейгана-Кейси против СССР, которой мы посвятили две предыдущие статьи, давала «ошеломляющие результаты». Именно так выразился один из американских экспертов в конце 1990 г. То есть в момент, когда стали ясны не только катастрофические последствия «перестроечного реформирования», но и то, что (любимый оборот Горбачева) «процесс пошел». И что он неотвратимо идет именно в том направлении, по которому его десятилетием ранее задумал направить Запад, и в первую очередь США.

Неотвратимость определялась тем, что огромная часть советской номенклатурной элиты и в Москве, и в республиках уже признала поражение СССР, и была внутренне готова к его окончательному предательству.

В политической сфере наиболее яркие тому свидетельства — провоцирование элитными группами крупных этнических конфликтов в регионах страны (Алма-Ата, Новый Узень, Фергана, Сухуми, Карабах, Баку, Тбилиси и т.д.) и организация «парада суверенитетов» союзных республик (начиная с Литвы и кончая Россией). А далее пошел аналогичный «парад суверенитетов» в автономных республиках и областях. Который в России открылся заявлением главы Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина «*Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить*», сделанным в Уфе в августе 1990 г.

Все это шло в русле игры группы Горбачева по превращению СССР в рыхлую договорную конфедерацию суверенных республик и автономий, а далее — вело к политической судороге «путча» августа 1991 г. и, в итоге, к окончательному развалу СССР в декабре 1991 г. Впрочем, детальное обсуждение этого судьбоносного процесса глобального значения, как и конфликтной игры вокруг него разных элитных групп, — это отдельная тема, далеко выходящая за рамки экономической войны.

В экономической сфере описанные политические коллизии сопровождалась нарастающим элитным саботажем, который почти повсеместно усугублял социально-экономическое обрушение. Это был такой саботаж, при котором в России Б. Ельцин одновременно останавливал на ремонт 24 табачных фабрики, оставляя население страны без курева, на Украине не исполнялись приказы Москвы отгружать торговле сахар из переполненных складов местных заводов, а Казахстан направлял эшелоны с мясом не туда, где его не хватало, а в республики и регионы, в которых был избыток собственного мяса.

А одновременно, о чем мы уже говорили в предыдущей статье, нарастали процессы целенаправленного развала системы управления единым хозяйством страны, а также элитного и низового воровства. И — что еще важнее — реальная экономическая и управленческая власть неуклонно перетекала от формальных госструктур к альянсу предавшей СССР хозяйственной, партийной, спецслужбистской номенклатуры (освободившейся от своих официальных обязательств в разваленных министерствах, ведомствах и парткомах), с контролируемым спецслужбами организованным криминалом.

В декабре 1990 г. Верховный Совет СССР отправил в отставку правительство Н. Рыжкова. Руководить переходом страны к рыночной экономике (этой самой «маркетизацией») был назначен новый Кабмин СССР во главе с премьером В. Павловым.

Павлов начал работу своего правительства с денежной реформы (обмен 50- и 100-рублевых банкнот на купюры нового образца). Обмен проводился в течение всего трех дней января 1991 г. и с серьезными ограничениями. Его целью было объявлено изъятие огромных сумм в крупных банкнотах, которые, якобы, накопили «в кубышках» теневые дельцы.

В начале апреля 1991 г. Кабмин Павлова объявил о двукратном повышении цен на большинство товаров повседневногo спроса, и на этом экономическое реформирование притормозил. Было не до него, поскольку быстро «наползал» политический кризис развала СССР.

А экономический кризис углублялся. Влиял, конечно, продолжавшийся шок обрушенных цен на экспортируемую нефть (и нехватка валюты для замещения импортom растущих потребительских дефицитов). Но решающую роль играл «лоскутный распад» уже почти неуправляемого советского хозяйственного комплекса.

К окончательному развалу великой страны в конце 1991 г. СССР подошел с 11%-ным спадом производства и ВВП, с 30%-ным дефицитом бюджета и растущим внешним долгом. Который в 1991 г. вырос с \$72,7 млрд до \$109,1 млрд.

Именно с момента «отмены» СССР Б. Ельцин, летом 1991 года избранный Президентом РСФСР, заодно возглавил правительство, объявил о начале в России радикальных экономических реформ и назначил руководить реформами Е. Гайдара.

Еще в ноябре 1991 г. Ельцин издал Указ «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР», который разрешил предприятиям ведение внешнеторговых операций без специальной регистрации, а также снял ограничения на вывоз наличной валюты из страны физическими лицами. В декабре Ельцин издал указ о свободе торговли для всех юридических и физических лиц. А со второго января 1992 г. была объявлена либерализация всех цен, за исключением цен некоторых социально-значимых товаров и услуг (хлеб, молоко, общественный транспорт и т.п.).

На рынке сразу появились потребительские товары и продовольствие — по новым, резко поднятым «свободным» ценам. Но поскольку огромная часть отечественных предприятий уже «лежала на боку», торговля начала под руководством упомянутых выше альянсов предавшей элиты и криминала массированно наполняться импортом.

То есть начала сбываться мечта Запада, включая США, о том, чтобы преодолеть или хотя бы отложить собственный кризис за счет СССР. А именно — за счет дешевого импорта постсоветских ресурсов и одновременного захвата своим экспортом гигантского постсоветского рынка, крупнейшего из еще не освоенных капиталистической экономикой. Альянс предавшей элиты и криминала исправно поставлял за бесценок на Запад якобы ставшие ненужными в России сырье и материалы, и столь же исправно закупал на Западе и ввозил в страну потребительские товары: продовольствие, одежду, бытовую технику, электронику и т.д.

Торговля «цвела и пахла», о чем не устают твердить апологеты Гайдара. Правда, по понятным причинам, она была сильным криминальным душком. Но те же апологеты Гайдара молчат о том, что происходило с производством. А оно начало обрушиваться, причем невиданными ранее темпами. Почему?

Во-первых, значительная часть советских предприятий, десятилетиями не обновлявших оборудование и ассортимент выпу-

скаемой продукции, действительно не могла конкурировать с импортом по качеству и потребительской привлекательности своих товаров.

Во-вторых, на некоторых заводах и фабриках уже было разворовано слишком многое — не только из материальных запасов, но и из основных производственных фондов, «уведенных» в разного рода кооперативы и совместные предприятия.

В-третьих, разрушение межреспубликанских связей ранее единого хозяйственного комплекса обрвало множество кооперационных производственных цепочек «сырье — промежуточная продукция — готовые изделия». И быстро создать такие же новые производственные цепочки внутри республик было просто невозможно.

И, в-четвертых, обесцененные остатки средств на счетах предприятий правительство Ельцина-Гайдара не индексировало. Причем вполне сознательно. Новоявленные «либеральные реформаторы» нередко прямо говорили и писали, что советские предприятия настолько устарели морально и физически, что их проще не поддерживать и модернизировать, а взорвать и построить новые.

В хозяйственном комплексе страны быстро нарастал вал взаимных неплатежей. Работникам не выплачивали зарплату, заводы и фабрики массово банкротились и закрывались, персонал выбрасывали на улицу. Впервые за 70 лет в России возникла и стала стремительно расти безработица.

Обанкротившиеся предприятия перестали платить налоги. Но и оставшиеся на плаву их также платить не могли. Поскольку денег у них на счетах не было, они вместо денег налаживали расчеты натуральным обменом, бартером: станки за колготки, продовольствие за холодильники и т.п. А раз денежной меры при таких расчетах не было, то сфера бартерных обменов стала еще одной зоной форсированной криминализации хозяйственных отношений.

При этом мировые цены на нефть с 1986 г. устойчиво держались на сравнительно низком уровне (их новый резкий подъем начался лишь в 2003 г.). Что означало для России необходимость спасаться от социально-экономического краха наращиванием физических объемов экспорта сырья.

И по официальным государственным каналам, и в порядке исполнения Указа Ельцина о свободе внешней торговли предприятия (а также фирмы и фирмочки при предприятиях) гнали на Запад во все больших масштабах нефть и нефтепродукты, газ, черные и цветные металлы, удобрения, древесину и даже стратегические запасы таких материалов, как титан, цирконий и т.д. В 1992 году суммарная стоимость только официально зарегистрированного экспорта из России составила \$46 млрд. Причем, по оценкам Центробанка, около 60% валютной выручки от этого экспорта в Россию не вернулись, осев на зарубежных счетах легальных и нелегальных экспортеров.

И из-за «утечек» экспортной выручки, и из-за падения производства и налогов бюджет быстро терял источники доходов и не мог финансировать большинство расходов. В первую очередь это коснулось науки, образования, здравоохранения, культуры, но далее затронуло пенсии, стипендии и другие социальные выплаты.

Между тем, «отпущенные на свободу» цены стремительно росли. «Команда Гайдара» считала это благом. Ее представители заявляли, что это должно, «в соответствии с законами рынка», в итоге обеспечить баланс между спросом и предложением товаров. Однако те же представители этой команды сначала неофициально, а затем и публично признавали, что важнейшая цель инфляции — «ликвидировать рублевый навес неоправданных выплат населению и хозяйствующим субъектам в предшествующие годы».

Что это значит в переводе на нормальный русский язык? Это значит, что «реформаторы» вели необъявленную финансово-торговую войну против собственного населения и собственной экономики. Войну, направленную на то, чтобы обесценить и многолетние сбережения граждан, и деньги на счетах предприятий, и стоимость производственных активов на их балансах.

Изначально правительство заявляло, что цены в результате «отпускания на свободу» могут вырасти в 3 раза. Однако в реальности все оказалось гораздо страшнее. Торговые аппетиты российских производителей и импортеров взвинчивали цены гигантскими темпами.

Кроме того, до лета 1992 г. сохранялась ситуация финансовой открытости России другим республикам. Если наличные рубли выпускала только Москва, то безналичные (деньги на счетах юридических лиц) — еще и Центробанки новообразованных стран СНГ. И тот чрезвычайно доходный «бизнес», который возник еще в перестроечные годы и назывался «обналичка» (перевод безналичных денег на счетах в наличные за оговоренный процент от суммы), стал чуть ли не главным занятием многих сотен открывшихся во всех регионах страны полукриминальных и криминальных контор, которые объявляли себя банками.

Денег в обороте становилось все больше, они «нагревали» спрос и создавали гиперинфляцию. То есть, обесценивали не только накопления граждан и счета предприятий, но и реальные зарплаты, пенсии, пособия. Цены за считанные недели выросли в 10–12 раз. Гиперинфляция почти в одночасье делала нищими миллионы наших граждан. И, повторю, под надзором гайдаровских «реформаторов» стремительно «додавливала» практически все отечественное производство, широко открывая российский внутренний рынок для зарубежных конкурентов.

Этому все жестче сопротивлялось «промышленное» лобби в Верховном Совете России. И к концу весны правительство, решив, что всех уже в основном ограбило («рублевый навес ликвидирован»), «зажало» внутреннюю денежную эмиссию и «отгородилось» от безналичной эмиссии в странах СНГ.

Но это был лишь другой способ уничтожения промышленности. Потому что заводы, вообще лишены денег, начали «падать», как костяшки домино. И стало ясно, что растущая безработица и социальный протест угрожают снести власть.

Главу Центробанка РФ Г. Матюхина, который по поручению Гайдара прекратил денежную эмиссию, Верховный Совет в июле 1992 г. заменил на В. Герасченко. Герасченко начал гигантскую кампанию «расшивки» взаимных неплатежей между предприятиями, а также возобновил эмиссию. И тем самым, с одной стороны, чуть-чуть «дал дышать» промышленности, но, с другой стороны, снова подхлестнул гиперинфляцию.

По итогам 1992 г. инфляция в России составила 2600% (то есть, деньги обесценились в 26 раз!). А промышленное производство — упало на 35%! Такое в мировой истории бывало только в странах, потерпевших тяжелейшее военное поражение. Причем тенденция падения промышленного производства в России в большинстве отраслей сохранялась до кризиса и «дефолта» 1998 г., а в ряде отраслей сохраняется и поныне.

А еще в том же 1992 г. был объявлен старт большой (так называемой ваучерной) приватизации, открывший новый этап ограбления России и всех ее народов. Но об этом — в следующей статье.

Юрий Бялый

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Ясно одно: не Кожинов дал с советской стороны отмашку на официальную подготовку книги Бахтина к изданию на Западе. Это сделал кто-то гораздо более влиятельный

Мост

Мы продолжаем рассматривать сюжет об «извлечении Бахтина из забвения», сравнивая рассказы различных «свидетелей» об одном и том же событии — как в фильме «Расёмон».

Начнем с эпизода, касающегося попытки издать книгу Бахтина о Достоевском в Италии. Что говорит об этой попытке исследователь творчества Бахтина И. Попова? И что — В. Кожинов?

Частично их свидетельства совпадают. Конкретно, оба они указывают, что туринское издательство «Эйнауди» в лице своего сотрудника Витторио Страда подписало в 1961 году официальный договор с Бахтиным о публикации его книги. В соответствии с договором, Бахтин в течение нескольких месяцев трудился над «итальянской версией», перерабатывая собственную книгу о Достоевском, изданную в СССР в 1929 году.

На этом совпадения заканчиваются. Добавим, что Попова уточняет: договор был заключен через советское агентство «Международная книга». Кожинов же упоминает «Международную книгу» как-то невнятно. Но, тем не менее, не отрицает факта участия «Международной книги» в этой истории.

А вот дальше в версиях Поповой и Кожинова начинаются существенные расхождения. Но прежде чем приступить к их обсуждению, хотелось бы прокомментировать вышесказанное.

Вам не кажется странной готовность советской стороны «распахнуть окно в мир» перед Бахтиным (а чем еще является официальное подписание договора между Бахтиным и «Эйнауди» через агентство «Международная книга»? Вопрос ведь не только в том, что Бахтин — фигура идеологически сомнительная. Но и в том, что Страда — тоже фигура идеологически сомнительная. Как это могло получиться, что две «сомнительности» вдруг получили режим полного благоприятствования?

Я обещала читателю по возможности не вводить в оборот новые сюжеты — иначе мы так никогда и не сведем их в целостную картину, не соберем пазл. Но без каких-то пояснений, пусть самых кратких, все же не обойтись.

Витторио Страда — итальянский славист, хорошо изучивший русский язык, — начал сотрудничать с издательством «Эйнауди» задолго до 1961 года. Еще в 1955 году он перевел для «Эйнауди» с русского на итальянский повесть В. Некрасова «В родном городе». А в 1956 году — в «атмосфере надежды», возникшей в связи с осуждением «культы личности» Сталина (так сказано в биографии Страды, опубликованной в сборнике «Vittorio» в 2005 году), — вступил в компартию Италии. В том же 1956 году Страда написал несколько статей, посвященных литературе «оттепели», где критически отозвался об официальной советской идеологии — как можно понять по контексту, уже хрущевской, а не сталинской. И продемонстрировал симпатию к тем советским авторам, которые обсуждали необходимость обновления этой идеологии.

Летом 1957 года Страда, прибыв в Москву в рамках Всемирного фестиваля молодежи и студентов, дважды встретился с Б. Пастернаком. Заметим, что Пастернак находился в то время под самым бдительным «присмотром». Дело в том, что в 1957 году итальянский издатель Джанджакомо Фельтринелли (как и Страда, член компартии Италии) заявил, что готов опубликовать в своей стране роман Пастернака «Доктор Живаго». Отметим, что копия рукописи Пастернака попала к нему в обход официальных советских каналов (ряд источников утверждает, что Пастернак передал копию итальянскому журналисту Серджо д'Анджело, который вывез ее и предоставил в распоряжение Фельтринелли еще в 1956 году). После заявления Фельтринелли разразился скандал. И Пастернак направил Фельтринелли телеграмму с требованием остановить издание книги.

Так вот, побывав на находящейся «под присмотром» даче Пастернака в августе

1957 года, Страда получил от него поручение передать Фельтринелли, что телеграмму о запрете на издательство романа принимать во внимание не следует, поскольку он, Пастернак, вынужден был отправить ее под давлением властей; на самом же деле, Пастернак хочет, чтобы роман был издан. Выступив в роли связного (которого почему-то никто не остановил), Страда сообщил Фельтринелли о разрешении Пастернака на издание романа.

Вопреки давлению компартии Италии — на которую, в свою очередь, оказывала давление КПСС — в ноябре 1957-го книга была опубликована в Милане. Фельтринелли стал, таким образом, первым издателем «Доктора Живаго». И был исключен за это из рядов итальянских коммунистов.

А вот Страду (хотя его роль, конечно же, несоизмерима с ролью Фельтринелли) Итальянская компартия (ИКП) почему-то не только не наказала, но, напротив, приложила максимум усилий, чтобы он был принят в аспирантуру МГУ. И его — невзирая на соучастие в пастернаковской истории — приняли! Хотя, как сказано в уже упомянутой биографии Страды, «советское начальство», запомнившее Страду еще по статьям 1956 года (критическим по отношению к официальной советской идеологии), пыталось этому противодействовать.

Но, стало быть, нашлись среди «советского начальства» те, у кого хватило влияния, чтобы преодолеть это противодействие. И выполнить просьбу итальянских коммунистических собратьев, ходатайствовавших за Страду — а надо думать, ходатайствовали не те, кто изгнан из компартии Фельтринелли... По меньшей мере, мы можем зафиксировать, что, вопреки генеральной линии на осуждение действий Пастернака-Фельтринелли, и в недрах КПСС, и в недрах ИКП были группы, оказывавшие поддержку тем, кто отклонился от этой линии.

Однако в 1961 году Страда, не доучившись, был вынужден оставить аспирантуру: его не допустили к защите диссертации, обвинив в ревизионизме и антиленинизме. Следует ли из этого, что верх в конце концов взяли те, кто изначально противодействовал его зачислению? Или причина, по которой Страда был вынужден покинуть аспирантуру, иная?

Как бы то ни было, но и пастернаковская история, и вынужденный отъезд в Италию, казалось бы, должны были усложнить дальнейшее взаимодействие В. Страды с СССР. Но не тут-то было! Вернувшись в Италию, «идеологически сомнительный», с официальной советской точки зрения, Страда вновь начинает сотрудничать с «Эйнауди» и преспокойно ведет официальные переговоры с «идеологически сомнительным», с официальной советской точки зрения, Бахтиным через агентство «Международная книга»...

Витторио Страда, президент Итальянской Республики Сандро Пертини и издатель Джулио Эйнауди. Рим, Квиринальский дворец, 1981

Кстати, а что такое агентство «Международная книга» (о котором так внятно говорит Попова и так невнятно — Кожинов)? Крупное всесоюзное внешнеторговое объединение, осуществлявшее экспортно-импортные торговые операции с книгами, периодикой, аудио-, а в более позднюю эпоху и видеопродукцией. То есть структура, находящаяся в силу своей внешнеторговой специфики под пристальным контролем

советского государства — в частности, спецслужб. Очевидно, что «сама собой», без влиятельной поддержки, идея Страды об издании книги Бахтина в Италии никогда не дошла бы до стадии официальных переговоров.

Означает ли это, что данную идею поддерживали в СССР и Италии те же самые группы, что помогли Страде «выйти сухим» из пастернаковской истории и даже поступить в аспирантуру МГУ? Что эти группы взаимодействовали между собой — то есть между ними существовал «мост»?

Означает ли это — с учетом утверждения Кожинова о том, что именно он подкинул Страде данную идею — что Кожинов принадлежал к советской части этого «моста» и действовал «от имени и по поручению»? Или что «мостовики» использовали энергию романтично настроенного молодого литературоведа, направляя ее в своих целях? (О романтизме как литературном течении в связи с фигурой Кожинова нам еще предстоит поговорить отдельно.)

Ясно одно: не Кожинов дал с советской стороны отмашку на официальную подготовку книги Бахтина к изданию на Западе. Такая функция сотруднику ИМЛИ не по плечу. Это сделал кто-то гораздо более влиятельный. Зафиксируем это — и перейдем, наконец, к противоречиям между версией Поповой и версией Кожинова.

Как указывает Попова (см. ее работу «Меннипова сатира» как термин Бахтина), по договору с «Эйнауди» Бахтин должен был предоставить рукопись своей книги в сентябре 1961 года. Однако в срок он не уложился — «в действительности работа продолжалась в течение всего 1961 года, после чего готовая рукопись была передана в агентство «Международная книга», через которое велись официальные переговоры с итальянским издательством; 5 января 1962 года рукопись поступила в Главлит, а затем была отправлена в Турин».

Таким образом, в течение целого года большому кругу лиц было известно, что книга Бахтина будет издана не в СССР, а в Италии. И нет никаких сведений о том, чтобы кто-то проявлял по этому поводу беспокойство.

В течение того же 1961 года Кожинов, как рассказывает он сам, пытался обсуждать издание книги Бахтина в «Советском писателе», но дело застопорилось из-за Лесючевского, о чем мы говорили в предыдущей статье. Но, опять-таки, нет никаких сведений и о том, чтобы «Международная книга» хоть в какой-то степени увязывала издание книги в Италии с изданием книги в СССР.

А теперь обратимся к версии Кожинова (см. текст его выступления в МГУ на «Пятничном вечере» авторского коллектива журнала «Русский переплет»). В отличие от Поповой, сюжет о передаче рукописи Бахтина за рубеж (который перерастает далее в сюжет о собственной триумфальной победе над Лесючевским) преподнесен Кожиновым как дерзкая авантюра. Якобы в 1962 году Кожинов «пробрался к директору издательского агентства (имеется в виду «Международная книга») и напугал его, сказал, что рукопись Бахтина находится уже в Италии. (Она и правда была в Италии.) Мол, ее там издают, и будет вторая история с Пастернаком...».

Но чем, собственно говоря, можно было напугать директора? Тем, что какая-то версия рукописи Бахтина передана в Италию в обход «Международной книги»? Кожинов неоднократно упоминал о том, что бахтинскую рукопись доставил в Турин лично Витторио Страда. Если Страда официально уполномочен издательством «Эйнауди» на переговоры с Бахтиным и «Международной книгой», то почему, собственно, он не мог быть передаточным звеном? Предположим, что Страда действовал в обход норм, которых придерживалась «Международная книга»... Зачем ему это? Чтобы спровоцировать международный скандал? А как тогда работать дальше с другими советскими писателями (он ведь отнюдь не только с Бахтиным имел дело)?

А зачем все это Бахтину — человеку осторожному, явно не желающему вляпываться ни в какие «истории», если его книгу и так, без всякого скандала, собираются издать в Италии? Кожинов не понимает, что он, сообщая директору о том, что условия договора с «Международной книгой» нарушены, подводит Бахтина под монастырь?

И, наконец, причем тут Пастернак? Власти всячески противодействовали выходу книги Пастернака за рубежом, и роман «Доктор Живаго» был издан в Италии «контрабандным» способом. Переговоры же о выходе в Италию книги Бахтина носили совершенно официальный характер.

Витторио Страда и Александр Солженицын. Троице-Лыков, 2001

Но дослушаем Кожинова: «Представьте себе, этот высокопоставленный чиновник очень испугался и спросил меня, что же делать. На что я сказал, что книга Бахтина сейчас лежит в издательстве «Советский писатель» без движения... Он тут же вызвал секретаршу, велел перепечатать на бланке».

Дальше, по словам Кожинова, события развивались стремительно: письмо из «Международной книги» срочно полетело в издательство «Советский писатель». Получив письмо, глава издательства Лесючевский немедленно передал рукопись Бахтина в редакцию вместе с рекомендательным письмом Федина-Рюрикова (о нем я рассказывала в прошлой статье). И в марте 1962 года Бахтин приступил к переработке книги уже для издательства «Советский писатель»...

Стоп! Давайте все-таки вернемся к реальности. Объединением «Международная книга» руководили в те годы люди, ничуть не менее многоопытные и матерые, чем тот же Лесючевский. Представить себе, чтобы к директору «Международной книги» запросто зашел с улицы («пробрался») молодой сотрудник ИМЛИ, начал его шантажировать, не имея реальной почвы для шантажа, да еще и добился своей цели... Что за хлестаковщина!

Но тогда должен быть некто, кто помог установить официальный контакт между Страдой и Бахтиным — и одновременно хлопотал о выходе книги Бахтина в СССР, «обрабатывая» Лесючевского... (Вопрос о том, почему итальянское издание в итоге так и не было осуществлено в 1962 году, в чем Кожинов запоздало упрекнул Страду: мол, не осознали итальянцы в то время масштаб русского мыслителя, — явно не сводится к фигуре Бахтина. И вообще, кожиновское заявление о том, что Страда не издал вовремя книгу Бахтина, не вполне корректно. Дело в том, что «Эйнауди» собиралось выпустить собрание сочинений Достоевского. По замыслу, в первый том этого собрания — в качестве развернутого предисловия к нему — должны были войти работы двух авторов: М. Бахтина и Л. Гроссмана. Но по какой-то причине не состоялось все издание, а не только бахтинско-гроссмановское предисловие к нему.)

Зачем Кожинов присваивает себе все лавры «извлекателя Бахтина из забвения»? Чтобы не называть имена своих влиятельных доброжелателей? Но для многих участников описываемых событий — того же Д. Урнова — эти имена (во всяком случае, некоторые из них) вовсе не являлись тайной... Со свидетельства Урнова я и начну следующую статью.

Анна Кудинова

КЛАССИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Создатели ракет были вдохновлены необходимостью спасения Отечества, высокими идеалами и тем особым творческим духом, который несла в себе коммунистическая идеология

Ядерная доктрина. Соревнование ракет

История создания космической ракетной техники — отдельная, захватывающе интересная тема. Нам придется лишь частично коснуться ее в этой статье, уделив главное внимание ракете как основному средству доставки ядерного заряда и связанному с этим изменению ядерных доктрин СССР и США.

Эпоха энтузиастов ракетного движения

Технически оформленная идея межпланетного ракетного полета появилась у ученых разных стран в конце XIX — начале XX веков, причем с разницей в один-два десятка лет. Однако первым все же был К. Э. Циолковский, школьный учитель и ученый-самоучка, который не только обосновал использование ракет для полетов в космос, но и спроектировал первую ракету в 1903 году. Российский основоположник теоретической космонавтики также предвидел необходимость использования «ракетных поездов» — прототипов многоступенчатых ракет, орбитальных станций, и даже «космического лифта», инженерного сооружения для отправки грузов на космические станции без помощи ракет, который, отметим, сегодня уже проектируется: в США при поддержке НАСА и в Японии.

Кроме Циолковского в России (СССР) первыми ракетчиками были Ф. Цандер и Ю. Кондратьев, в Германии — выдающийся инженер Герман Оберт, в США — конструктор Р. Годдард, во Франции — знаменитый теоретик и экспериментатор Р. Эсно-Пельтри.

В 20-е годы над созданием ракетной техники наиболее активно работали три страны: США, СССР и Германия. В СССР исследования в этой области вели две группы энтузиастов: в Москве это была Группа изучения ракетного движения (ГИРД), а в Ленинграде — Газодинамическая лаборатория (ГДА). Ленинградская группа уже в 1929 году имела в своем активе проект создания принципиально нового оружия — реактивных снарядов. Многозарядная установка для запуска ракет («Катюша») была впервые применена в июле 1941 года.

Московский ГИРД также добился значимых результатов. В ноябре 1933 года советская зенитная ракета «ГИРД-10» достигла высоты в 5 км. В 1933 году обе группы были слиты, и на их основе был создан Реактивный институт (РНИИ).

Таким образом, наши отечественные мыслители и инженеры были пионерами не только в применении принципа ракетного движения для задач космических полетов, но и в конструировании ракетных систем.

Однако с начала 30-х годов в этой области вперед вырывается Германия. Там работы по ракетной технике вело любительское Немецкое Общество межпланетных сообщений, которое реализовывало идеи Германа Оберта. 14 марта 1931 энтузиаст-ракетостроитель Йоханнес Винклер сумел осуществить первый в Европе удачный запуск жидкостной ракеты.

В Обществе межпланетных сообщений работал и ученик Г. Оберта, молодой инженер Вернер фон Браун. Он предложил свои ракетные разработки военному ведомству, которое положительно оценило достижения группы фон Брауна. С декабря 1932 года на артиллерийском полигоне германской армии была начата разработка ракетных двигателей его конструкции, а в 1934 году опытная ракета А-2 с этим двигателем была успешно запущена.

После прихода Гитлера к власти на разработку ракетного оружия были выделены значительные средства, а весной 1936 года было начато строительство ракетного центра в Пенемюнде. Руководителем центра был назначен Вальтер Дорнбергер, а техническим директором — фон Браун. Именно там была разработана баллистическая ракета А-4 с дальностью полета 320 км, получившая в 1944 году название Фау-2. Этими ракетами осуществляли масштабные бомбардировки Лондона.

В Соединенных Штатах Р. Годдард также разработал и в 1926 году успешно запустил первую ракету с жидкостным двигате-

лем, но дальше этого дело так и не пошло. Ракетная техника в США после войны почти целиком строилась на опыте и достижениях немецких ученых.

Ракетно-ядерная тематика в США

Фашистская Германия так и не сумела создать «чудо-оружие» — атомную бомбу, но в ракетных разработках она продвинулась гораздо дальше, чем страны-победительницы.

Сразу после войны США начали разработку баллистических ракет, используя немецкие наработки и кадры. Как это происходило, описывает в биографии Германа Оберта выдающийся советский ученый, один из основателей советской космонавтики, академик Б. В. Раушенбах.

Группа сотрудников ракетного центра в Пенемюнде во главе с Вернером фон Брауном весной 1945 года сознательно сдалась американским войскам. При этом она вывезла в американскую зону наиболее ценные архивные материалы, среди которых была не только документация на боевую ракету А-4, но материалы по перспективным ракетам, включая ракеты межконтинентального класса А-9 и А-10.

Вернер фон Браун

Кроме документации американцам достались около сотни готовых ракет А-4. Таким образом, США получили все самое главное для резкого старта ракетной тематики: специалистов, архивные материалы и даже готовые действующие образцы ракет.

Уже в марте 1946 года в Техасе, недалеко от форта Блисс, были проведены первые пуски ракет А-4. Армейское руководство США, осознав, что немецкие ракетные технологии принципиально опережают американские разработки, просто свернуло работы американских групп и все финансирование передало немецким специалистам. Они получили полную свободу, стали считаться американскими гражданами, их количество стало расти — к 1955 году в группе фон Брауна работало уже 765 человек (первоначально 127).

Таким образом, все основные достижения американской космической техники связаны именно с немцами — ракеты «Редстоун» и «Юпитер», запуск американского искусственного спутника Земли, боевые межконтинентальные ракеты, американская лунная программа.

Правда, поначалу ядерная доктрина США в качестве носителей атомного оружия ориентировалась не на ракеты, а на стратегические самолеты-бомбардировщики — хотя бы потому, что вес ядерного заряда (4–5 тонн) тогдашние ракеты поднять были не в состоянии. Поэтому и философия применения ЯО формировалась на основе взглядов Военно-воздушных сил США.

Последовательно сменили друг друга два подхода: контрценностной и контрсилового.

Контрценностной подход означал стратегическую бомбардировку крупных населенных пунктов страны-противника. Считалось, что такие бомбардировки, сопровождаемые массовыми жертвами среди населения, подавляют волю противника, снижают его сопротивление и заставляют

его капитулировать на выгодных для США условиях. По-видимому, американские стратеги, планируя ядерные авиабомбардировки (то есть удары с воздуха), и впрямь ощущали себя почти богами, способными разить сверху, с неба савафовским огнем, от которого нет спасения. Так что за сухим термином «контрценностный подход» стоит и неумная жажда мировой власти, и фанатично-религиозное истолкование ядерного оружия как инструмента «божьей кары».

Однако при всем том было совершенно непонятно, как можно бомбардировать огромную территорию СССР. Во-первых, отсутствовали хорошие карты СССР, в лучшем случае были германские карты 1941–42 годов. Во-вторых, СССР, в отличие от Германии и Японии, имел мощную систему ПВО, которая не позволила бы американским «стратегам» господствовать в воздухе. И, в-третьих, с начала 50-х годов СССР уже мог ответить американским «саваофам» собственным ядерным ударом.

Поэтому контрценностной подход в планировании сменился контрсиловым, т. е. ударом по потенциальным объектам, где могут находиться советские средства доставки ядерного оружия. Но для их превентивного уничтожения с наперед заданной вероятностью было насущно необходимо хотя бы удвоить количество бомбардировщиков и бомб.

Отсюда грандиозные планы быстрого наращивания стратегических бомбардировщиков и увеличения целей атомных ударов: сначала до 3261 (по плану Пентагона 1957 года), а затем до 8400 (план 1959 года). Но даже в этом случае США, обладающие в то время огромным преимуществом, не могли гарантировать, что ни одна ядерная бомба не упадет на территорию США.

Проблема так и не была решена до конца 50-х годов, когда у США появились баллистические ракеты с ядерными боезарядами. Но и СССР в это же время приступил к развертыванию своих МБР. Американским стратегам пришлось в корне менять принципы планирования ядерных операций.

Ракета-носитель в СССР

Советский Союз также воспользовался опытом ракетчиков Германии, но в несоизмеримо меньших масштабах. Если в США уехало, как выражается Б. Раушенбах, «первая сборная» во главе с фон Брауном, то в СССР попали сравнительно второстепенные ракетчики. Да, советским специалистам удалось разыскать в Германии разрозненные узлы А-4 и собрать несколько экземпляров ракет. Да, в 1946 году в СССР переехали немецкие специалисты, принимавшие участие в экспериментальных пусках этой ракеты. Но в отличие от группы фон Брауна они не разрабатывали советскую ракетную технику — всю главную работу вели наши ученые и конструкторы. Более того, уже к началу 50-х годов в СССР не оставалось ни одного немецкого ракетчика — все они вернулись в Германию.

Негладким был и путь признания ракеты как средства доставки ядерного оружия. Когда в октябре 1947 года первая советская баллистическая ракета Р-1 прошла полигонные испытания, военных она не устроила — дальность ее была всего 300 километров. Но Сталин, увидевший в ракете огромные перспективы, не позволил свернуть тему «баллистические ракеты дальнего действия». Более того, по его указанию стала создаваться новая отрасль советской обороны — ракетостроение. Под эти задачи был перепрофилирован Днепропетровский автомобильный завод, а Сергей Королев был назначен главным конструктором ОКБ-1 и продолжил работу уже над ракетой оригинальной конструкции.

Пока шла работа и над ядерной бомбой, и над ракетой как ее возможным носителем, было необходимо модернизировать имеющиеся средства доставки. А это были межконтинентальные бомбардировщики. В 1951 году была начата работа над новыми самолетами ЗМ и Ту-95, и они до начала 60-х годов оставались у СССР единственными стра-

Сергей Павлович Королёв

тегическими носителями ядерного оружия. И все-таки их не пускали в массовую серию — к концу 1962 года было разрушено около 100 единиц Ту-95 и 60 единиц ЗМ, которые могли доставить на территорию США от 200 до 250 ядерных зарядов.

Такое решение было принято потому, что наиболее перспективной в качестве носителя для атомного оружия была именно межконтинентальная ракета — ее было невозможно, как бомбардировщик, уничтожить средствами ПВО. Ее создание вновь потребовало огромного напряжения сил специалистов и рабочего состава новой ракетной отрасли, тяжелейшей организационной работы Спецкомитета по реактивной технике и точно согласованного графика поставок множества отраслей промышленности. В итоге — очередное русское чудо! Уже после смерти Сталина, в 1956 году, созданная Королевым ракета Р-5 пролетела более 1 тысячи километров со своим ядерным грузом, а в мае 1957 года были проведены первые летные испытания Р-7 (SS-6).

Когда же 4 октября и 3 ноября 1957 года с помощью Р-7 были запущены первые искусственные спутники Земли, стало ясно, что на любую ядерную атаку США у Советского Союза есть свой адекватный ответ.

Сегодня советскую мобилизационную систему обвиняют в жестокости к людям, в превращении их в винтики, чуть ли не рабов. Как будто хоть какую-то действительно крупную задачу можно решить без крайнего напряжения сил! Но главное — ни о каком потогонном труде не могло быть и речи, коль скоро реализовывалась сложная творческая задача. Создатели ракет были не Системой «взнузданы», а вдохновлены необходимостью спасения Отечества, высокими идеалами и тем особым творческим духом, который несла в себе коммунистическая идеология. В эпоху, в которую не началось еще ее сознательное разложение и изведение на корню.

А ну-ка — взнуздайте сегодня Чубайса или Вексельберга на очередное русское чудо, приставив к ним топтунов и посадив их за ключую проволоку! Крайне важно понять, что у России нет иного опыта технологических прорывов, кроме советского опыта, и что именно этот опыт только и можно использовать для выхода из нынешней тупииковой экономической, технологической и человеческой ситуации.

СССР сумел к середине 50-х годов создать ракетно-ядерный щит и нейтрализовать напрямую угрозу ядерной агрессии. При этом наша военная доктрина всегда исходила из задачи защиты от агрессии любого масштаба. Наши Стратегические ядерные силы всегда ориентировались на ответные действия. Это была принципиальная установка, и она отражалась в заявлениях Советского Союза о неприменении ядерного оружия первым.

Но навязанная нам гонка вооружений продолжалась, все время набирая обороты. И СССР приходилось создавать все новые и новые элементы ракетно-ядерного щита. Как это происходило — в следующей статье.

Юрий Бардахчиев

НАША ВОЙНА

«Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе».

В. И. Ленин

Необходимое политико-лирическое и историко-экономическое отступление

Прежде чем перейти к последовательному и подробному описанию планов современного капитализма по оставке развития и построению «многоэтажного человечества» (а также «обосновывающих» эти планы «научных» работ), нам кажется правильным обсудить вопрос о том, действительно ли у капитализма такие планы существуют.

Во избежание недоразумений сразу отметим, что говоря «планы капитализма», мы не имеем в виду ни какого-то конкретного человека, ни нескольких людей, ни «мировое правительство», ни «штаб» по строительству плота «Медузы» для человечества. Хотя и не исключаем, что такой штаб в каком-то виде может существовать, и что есть люди, занятые подобным планированием. Говоря о «планах», мы имеем в виду объективные закономерности истории и экономики, которые, как нам представляется, неизбежно порождают необходимость в подобных планах и попытки их осуществления. Капитализм — это социальная система (формация, мир-система, экономический уклад), которая больше двух веков исследовалась тысячами ученых, в том числе такими выдающимися, как К. Маркс, В. И. Ленин, М. Вебер, Р. Люксембург, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А. А. Зиновьев... и многими многими другими. Общими усилиями были выявлены (и, что важно, подтверждены историей) многие важнейшие законы существования и развития капитализма. Именно эти, уже известные, законы и приводят к выводам о направлениях, в котором капитализм может и будет развиваться (и уже развивается). Вот именно эти направления мы и называем «планами» — потому что в любой социальной системе ничего не происходит «само». Все осуществляют различные социальные субъекты: люди, социальные институты, нации, государства, транснациональные корпорации — а все они не могут существовать без планов, которые так или иначе реализуются, в той или иной мере воплощаются в жизнь, бывают успешными или нет. Более того, эти планы осуществляются не на чистом листе, а тоже в социальной системе, где реализации любых планов могут противостоять другие люди, социальные институты, нации, государства, транснациональные корпорации...

Если бы мы описывали передвижение циклонов в атмосфере, то о планах говорить бы не приходилось: надо было бы «просто» перечислить все влияющие на это передвижение факторы, потом посчитать их взаимодействие между собой и по результатам указать, где и когда окажется какой-нибудь конкретный циклон. И хотя читатель понимает, что это все совсем не «просто», и что на сегодняшний день никто так сделать не может, потому что и все факторы неизвестны, и системы уравнений, описывающие их взаимодействие, слишком сложны, но когда-нибудь, с развитием науки, именно так и будет. И о «планах» циклонов говорить, в любом случае, не приходится — они целиком и полностью определяются взаимодействием вполне себе объективных факторов, пусть нам сейчас и неизвестных. А вот когда речь идет о социальных системах... все совсем по-другому.

Соответственно, мы будем говорить о планах капитализма, не имея никого конкретно в виду, но будучи уверенными, что если ничто (или никто) не помешает, планы эти обязательно осуществляются.

Каковы же эти планы? Действительно ли капитализму нужно вообще остановить развитие человечества и загнать его в разнородные гетто «многоэтажного человечества»? Может быть, все ровно наоборот, и, как убеждает нас либеральная общественность, дальнейшее развитие капитализма, наоборот, обещает нам ускорение развития, расцвет свободы и демократии и прочее благорастворение воздуха?

Нет, в самом деле, ведь миллионы людей (и в том числе наши либералы, большинство которых вполне искренни в своем восхищении капиталистической системой) во всем мире уверены, что капитализм — прогрессивный строй. Что он развивает, а не останавливает развитие. Что он дает всем людям равные шансы на успех и продвигает демократические институты. Что капитализм — вершина развития современной цивилизации. И что даже если у него и есть крупные недостатки, то все равно это лучшее, что придумало человечество (как говорил И. Шумпетер, капитализм — разрушитель, но это «созидательное разрушение»). И ведь все это сейчас преподают в школах!

Собственно, поэтому мы и решили написать это лирическое отступление. Конечно, мы не подозреваем в читателях ревностных сторонников капитализма, однако поймали себя на том, что многие существенные для нашего изложения моменты мы считаем сами собой разумеющимися, всем известными и очевидными. И поэтому их опускаем. Но ведь на фоне нынешнего потребительского общества, соответствующего образования и воспитания, мощнейших информационных кампаний «в защиту капитализма» эти самоочевидные для нас моменты могут быть не то что не очевидными, а просто совершенно неизвестными, неожиданными и невероятными. Ведь многие не приемлют капитализм не на основе настоящих знаний и целостного понимания, а на базе эмоционального или даже вкусового неприятия капиталистических реалий повседневной российской жизни. Но ведь все эти отдельные моменты, вызывающие отторжение «реального» капитализма, могут быть объяснены плодами недоразвитости именно (и только) нашего капитализма. Или частными случаями, не служащими тому, чтобы на их основании делать выводы о капитализме вообще.

Ведь именно так и поступают российские (и не только) либералы, а также господа белоленточные креаклы (и самое страшное, что они так думают!). Что они нам все время говорят? Что да, у нас везде «жулики и воры», а вот в Европах... Что у нас выборы подтасовывают, а вот в настоящих демократических странах... Что у нас хамство — норма жизни, а вот при настоящем капитализме клиент всегда прав... Что у нас все загнивается и хиреет, а «там» все цветет пышным цветом, и что мы никогда «их» не догоним, потому что они обогнали нас в развитии на тысячу лет... или на две тысячи... Что у нас коррупция, а вот там... тоже коррупция, но ведь с нашей не сравнить! Что у нас прямо-таки диктатура и подавление инакомыслия, что Россия никак не может изжить наследие тоталитарного прошлого и потому никак не выйдет на столбовую дорожку капитализма, а вот там, где это удалось, там все хорошо и с демократией и с развитием (особенно хорошо с демократией — см., например, статью В. Сорокиной «Французское сопротивление» в этом номере газеты).

Наконец, до сих пор широко распространены имеют широкое хождение представления о, так сказать, романтическом капитализме, которыми мы обязаны таким его исследователям, как Ф. Хайек, кнights которого зачитывались многие еще в самом начале перестройки. В соответствии с этими представлениями, капитализм — это свободный рынок, а рынок, а в особенности его «невидимая рука» — это такой саморегулятор общества, ведущий его к всеобщему процветанию, развитию, свободе и демократии (сразу вспоминается анекдот: «Как экономист будет менять электрическую лампочку? Он купит лампочку, принесет и положит под люстру. А дальше все сделает — то есть вкрутит лампочку — невидимая рука рынка!»). В свете этих представлений любые видимые недостатки и несправедливости капитализма видятся как результат ограничения свободы

рынка, злонамеренного вмешательства в рынок. А вот если не вмешиваться, то «невидимая рука» и «свободная конкуренция» обеспечат нам те самые развитие и процветание, а также свободу и демократию, которых мы так хотим.

В общем, много есть очень разных мнений относительно сущности капитализма, его возможностей и его «планов», каковые мнения пропагандируются с большим или меньшим успехом. Однако для исследователей капитализма все давно предельно ясно. Вот, например, что писал 20 лет назад Иммануил Валлерстайн — создатель мир-системного анализа, выдающийся современный социолог-неомарксист:

«Есть только два пути (выделено нами) выхода из структурного кризиса [капитализма]. Первый — создание некапиталистической авторитарной мир-системы, которая будет использовать силу и обман, а не «рынок» для оправдания и поддержания неэгалитарного потребления в мире (то есть что-то очень похожее на фашизм, не правда ли?»).

Второй — изменить наши цивилизационные ценности.

Чтобы создать относительно демократическую и относительно эгалитарную мир-систему, в которой нам хотелось бы жить, нам нужен не «фронт», а то, что в Латинской Америке называется «Viven Vivir»...

Для некоторой части мирового населения это означает, что их дети будут «потреблять» меньше, но дети на другом конце света будут потреблять больше. Но в такой системе мы все будем обеспечены «сетью безопасности», нам будет гарантирована социальная солидарность, и такая система возможна (и, вероятно, такая система чем-то будет похожа на социализм?»).

В следующие двадцать-сорок лет мы будем свидетелями и участниками огромной политической борьбы, но не за выживание капитализма (который как система исчерпал все свои возможности), но за то, какую систему нам придется вместе «выбрать» ему на замену: авторитарную модель, которая продолжит (и углубит) поляризацию, или ту, которая является относительно демократической и относительно эгалитарной».

Довольно внятно сказано, не так ли? Или что-то типа фашизма — чтобы «силой и обманом» сохранить существующее неравенство, либо что-то типа социализма, чтобы добиться несуществующей «социальной солидарности» при «относительных» демократии и равенстве.

Что же касается развития... В России многие до сих пор живут в иллюзии, покинувшей капиталистический мир, по мнению ученых, уже лет 40 назад. Тот же Валлерстайн пишет: «В период с 1945 по 1970 г. широкое распространение получила идея развития, согласно которой проведение правильной государственной политики позволяло любой стране достичь уровня жизни наиболее богатых стран. Основное предположение заключалось в том, что сочетание индустриализации и урбанизации, более эффективного сельского хозяйства и более качественного образования с краткосрочным протекционизмом (защита импорта) приведет к долгожданному процветанию». Оказалось, что эта «идея» и капитализм — две вещи несовместные. И не только потому такое всеобщее «развитие» невозможно, что, например, если каждый житель Земли захочет иметь виллу на берегу моря, как у «настоящих людей на Западе», и если даже экономика эта позволит, то попросту на все виллы не хватит побережий. Причем сильно не хватит, мягко говоря. Нет, дело совершенно в другом. В том, что капитализм может «развиваться» только в части мира — и только за счет того, чтобы тормозить развитие в остальном мире.

И более того, почти «несовместными вещами» оказались капитализм и рынок —

тот самый, невидимая рука которого должна была, по мнению отечественных либералов, наладить жизнь нашей страны, взорванную ими при разрушении СССР. У того же Валлерстайна есть статья с говорящим названием «Капитализм — противник рынка?», в которой он пишет об исследованиях своего учителя — выдающегося французского историка и исследователя капитализма Фернана Броделя. «Бродель переверачивает верх дном все наши привычные теоретические подходы. Вместо того чтобы рассматривать в качестве ключевого элемента исторического капитализма свободный рынок, он выдвигает в качестве такового установление монополий. Существование господствующих на рынке монополий — вот что является определяющим элементом нашей системы, и это то, что достаточно четко отличает капитализм от феодального общества, а также, возможно, и от мировой системы социализма, на что до сих пор редко обращают внимание».

И дальше — еще интереснее. «Его [Броделя] работы позволяют нам лучше вооружиться для отстаивания той безусловной истины, что все монополии имеют под собой политическую основу. Никто никогда не может достигнуть господства в экономике, подавлять ее и сдерживать, ограничивая действия рыночных сил, не имея политической поддержки. Это всегда требует силы (выделено нами), ... политической власти, создания неэкономических барьеров для входа на рынок, установления жестких цен, получение гарантий того, что люди купят то, что им не особенно нужно. Утверждение, что кто-то может быть капиталистом (в броделевском смысле слова) без поддержки государства, не говоря уже при оппозиции к нему, является полностью абсурдным. Я говорю «без поддержки государства», но, конечно, под этим не обязательно имеется в виду собственное государство данных капиталистов. Иногда это может быть и совершенно другое государство».

То есть Бродель (а вслед за ним Валлерстайн) установил — на основе скрупулезного анализа экономической практики феодализма и капитализма, — что капитализм — это прежде всего монополии, стремление к гегемонии с обязательным привлечением силы государства — политической, а если нужно и военной, — для подавления свободного рынка и какого бы то ни было самостоятельного развития. Таким образом, представление о «романтическом капитализме», навязанное постсоветским гражданам массовой западной пропагандой, не имеет никакого отношения к реальности.

Реальный же капитализм — это совершенно людоедская социальная система, которая может развиваться только за счет подавления развития вокруг себя. Подавления — любой ценой, включая применение военной силы против особо строптивых. И примеров тому не счесть. Выражение «вбомбить в феодализм», памятное нам по отношению к недавним событиям в Югославии, вполне может быть признано формулировкой основного принципа современного капитализма: остановить самостоятельное развитие государств, назначенных быть современными колониями или вассалами системы капитализма, необходимо любой ценой, любыми средствами, в том числе ценой «вбомбления в феодализм».

Самое интересное, что практически 100 лет назад, в 1916 г. (то есть за полвека до исследований Броделя), была написана работа, вскрывшая именно эту — людоедскую и гегемонистскую — сущность капитализма. Речь идет о работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», в которой он на основании многочисленных имевшихся к тому времени данных и анализа работ других авторитетно и убедительно доказал, что законы капитализма неизбежно приводят его к необходимости тор-

НАША ВОЙНА

мозить развитие и обосновывать неравенство людей. И что без этих двух составляющих капитализм не может существовать.

Как пишет С. М. Кара-Мурза, «Изданный в России летом 1917 г., «Империализм...» уже не мог быть внимательно прочитан и обсужден из-за бурных событий момента... В советском обществоведении «Империализм...» был дан неадекватно, и его потенциал в борьбе за культурную гегемонию советского строя не был использован». А жаль! — все советские люди «проходили» эту работу и в школе, и в вузе, и если бы она была освоена правильно, очень многие бы не были обмануты сладкими перестроечными сказками.

В ленинской работе поражает поразительная ясность этой работы и ее особая актуальность в наше время: «Сегодня этот труд, почти полностью опирающийся на работы видных западных экономистов, может быть привлечен для дискуссии по принципиальным вопросам... в РФ. Он содержит... аргументы, показывающие утопичность планов встраивания РФ в ядро «глобального капитализма». Труд ценен тем, что обнаруживает очевидность этой невозможности уже в начале XX века (выделено нами), когда возможностей встроиться в ядро капиталистической системы было больше, чем сегодня».

В «Империализме, как высшей стадии капитализма» В. И. Ленин по многим вопросам спорит с Марксом (хотя прямо об этом почти не говорится, так как работа публиковалась легально, в публичном издательстве), начиная с вопроса о роли конкуренции «Полвека тому назад, когда Маркс писал свой «Капитал», свободная конкуренция казалась подавляющему большинству экономистов «законом природы». ... Теперь монополия стала фактом...».

Ленин спорит с Марксом и в том, что капитализм — обязательный этап в развитии всех стран. По Марксу, более развитые капиталистические страны демонстрируют менее развитым их будущее; объективные экономические закономерности обязательно приведут каждую страну в «развитый» капитализм. В. И. Ленин показывает, что современный капитализм (100 лет назад!) сделал такое развитие всех стран невозможным — «хотя бы потому, что монополии центра завладевают источниками сырья во все мире, пресекая тем самым возможность развития «туземного» капитализма». Он пишет: «Концентрация дошла до того, что можно провозвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железнорудные земли) в данной стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами».

То есть, по Ленину, развитие капитализма само по себе, согласно своим внутренним законам (концентрации капитала, монополизации и пр.), препятствует развитию окружающих обществ и стран. Более того, по мере развития капитализма возможности его возникновения и развития «в окружающем мире» сокращаются. Однако, аполонеты капитализма не желают этого признавать и до сих пор продолжают морочить голову людям. Вот что пишет по этому поводу С. М. Кара-Мурза: «В действительности, развитие «туземного» капитализма пресекалось Западом уже на первой стадии колониальных захватов, ибо, по выражению К. Леви-Стросса, «Запад построил себя из материала колоний». Он извлек и частично вывез из колоний тот «материал», из которого мог быть построен местный капитализм. Однако в 1916 г. констатация этого факта была делом очень важным — ведь либеральная интеллигенция всего мира не признает его до сих пор».

Еще бы она его признала! А как тогда прикажете обольщать миллионы людей по всему миру? Неужто прямо сказав им, что никакого развития для них не будет, что их перспектива — быть признанными людьми второго-третьего-десятого сорта, прожить всю жизнь в темноте и нищете своих гетто, надсмотрщиками в которых будут предатели их народа, ставшие холоуями «хозяев мира» за стеклянные бусы (роль которых нынче исполняют разные гаджеты вроде айфона)? Нет, так нельзя!

Далее В. И. Ленин пишет: «Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз това-

ров. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз капитала...».

Разумеется, если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским, — тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. И такой «двод» сплошь да рядом выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс есть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства (выделено нами)».

Прошло 100 лет, технический прогресс стал еще более «головокружительным» — и мы видим, что история полностью подтвердила правоту ленинского анализа. Уровень жизни миллионов людей как был, так и остается «полуголодным и нищенским», а в такой стране, как Россия, проигравшей к настоящему времени войну с мировым капитализмом, он даже снижается: от уровня жизни, сопоставимого с уровнем развитых стран, — к тому самому «полуголодному и нищенскому». Это разве не торможение, не остановка развития?

Еще один исключительно важный момент, по которому Ленин, по сути, противоречил Марксу (опять же прямо не говоря этого) — это вопрос прекращения «первоначального накопления» и происхождении расширенного воспроизводства.

В «Империализме...» Ленин приводит много данных о масштабах изъятия ресурсов из зависимых стран паразитическим финансовым капиталом Запада: «Доход рантье вьетера превышает доход от внешней торговли в самой «торговой» стране мира!» и т. п.

Как пишет С. М. Кара-Мурза, «эти данные откровенно важны для марксистской политэкономии модель капиталистического воспроизводства... Эта модель расширенного воспроизводства легитимизирует современный капитализм, ибо представляет нынешнее потребительское благоденствие Запада как следствие совместных усилий его рабочих и предпринимателей, которые только и представлены в цикле воспроизводства. В. И. Ленин, прямо этого не говоря, показывает, что в цикл расширенного воспроизводства экономики Запада непрерывно вбрасываются огромные средства извне». По сути, В. И. Ленин здесь иллюстрирует выводы Р. Люксембург. В работе «Накопление капитала» она обращает внимание на такое условие анализа капитализма, которое ввел Маркс в «Капитале»: «С целью рассмотреть объект нашего исследования во всей полноте, свободным от искажающего влияния побочных обстоятельств, мы представим весь мир в виде одной-единственной нации и предположим, что капиталистическое производство установлено повсеместно и во всех отраслях промышленности».

Это предположение, как отмечает Роза Люксембург, «не просто противоречит действительности (что очевидно), оно неприемлемо для самой модели Маркса (выделено авт.) и ведет к ложным заключениям. То есть, вводя его, Маркс исключает из модели фактор, который является принципиально необходимым для существования той системы, которую описывает модель. Ибо оказывается, что цикл расширенного воспроизводства не может быть замкнут только благодаря труду занятых в нем рабочих, за счет их прибавочной стоимости. Для него необходимо непрерывное привлечение ресурсов извне капиталистической системы (из деревни, из колоний, из «третьего мира»). Дело никак не ограничивается «первоначальным накоплением», оно не может быть «первоначальным» и должно идти постоянно».

В своей книге Р. Люксембург показывает, во-первых, что для превращения прибавочной стоимости в ресурсы расширенного воспроизводства необходимы покупатели вне зоны капитализма (выделено авт.). Ведь рабочие производят прибавочную стоимость, которую присваивает капиталист, в виде товаров, а не денег. Эти товары надо еще продать. Очевидно, что работники, занятые в капиталистическом производстве, могут купить только такую массу товаров, кото-

рая по стоимости равна стоимости их совокупной рабочей силы. А товары, в которых олицетворена прибавочная стоимость, должны купить кто-то другой (выделено авт.). Только так капиталист может реализовать прибавочную стоимость, обменяв ее на средства для расширенного воспроизводства. Этой торговлей занимается контррадорская буржуазия вне зоны капитализма. Таким образом, сделанное Марксом предположение, что капитализм охватил весь мир, попросту невыполнимо — такого капитализма не может существовать».

Таким образом, из работы В. И. Ленина прямо следует, что капитализм неминуемо должен стремиться к остановке развития — иначе он просто не может существовать.

Ленин считал, что непрерывный передел мира между новыми и старыми гегемонами — это, по сути своей, всегда война, в какой бы форме она ни велась: «Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая ступень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его «по капиталу», «по силе» — много способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма. Сила же меняется в зависимости от экономического и политического развития; для понимания происходящего надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это — изменения «чисто» экономические или вне экономические (например, военные), это вопрос второстепенный, не могущий ничего изменить в основных взглядах на новейшую эпоху капитализма. Подменять вопрос о содержании борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о форме борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра немирной, послезавтра опять немирной) значит опускаться до роли софиста. ... Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства (выделено нами). А раз соотношения силы изменятся, то в чем может заключаться, при капитализме, разрешение противоречия кроме как в силе?».

То есть, по Ленину, капитализм — это всегда война. За что? Вроде бы за передел рынков? Но поскольку главный движитель современного капитализма — это неравномерность развития мира (то есть развитие гегемона за счет торможения развития всех остальных), то это еще и всегда война против развития. То есть «вбомбление в феодализм» — это магистральный путь движения современного капитализма и единственный способ продления его существования.

Читатель, у вас еще остались сомнения относительно «планов» капитализма? А, ну да, а как же «многоэтажное человечество»? Где планы исключить большинство людей из числа людей? Косвенно в «Империализме...» В. И. Ленин говорит и об этом — цитируя при этом Дж. Гобсона, специально занимавшегося проблемами империализма, и что показательно, впоследствии, перед Второй мировой войной, выступавшим как антифашист:

Перспектива раздела Китая вызывает у Гобсона такую экономическую оценку: «Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населенные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькая кучка богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в первоочередной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты приехали бы, как дань, из Азии и из Африки». «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двинула бы вперед дело всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки и при помощи этой дани содержат большие прирученные массы служащих и слуг, заня-

тых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии (выделено нами). Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории (надо было сказать: перспективы) «как не заслуживающей рассмотрения, вдуматься в экономические и социальные условия тех округов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение».

Как мы знаем, первая волна расцвета «научного» расизма была в конце XIX века и шла именно из страны — империалистического гегемона того времени — Англии. Там же, в Англии зародились многие течения «научной мысли», которые впоследствии «расцвели» в немецком фашизме. Нет никаких сомнений в том, что само положение Англии как капиталистического гегемона и авангарда подталкивало ее ученых и ее элиту к развитию этих расистских и фашистских концепций. Потому что препятствование развитию колоний должно быть как-то идеологически оформлено, и нет лучшего оформления, чем расизм.

К тому же, современный капитализм буквально заставляет элиты и их обслугу лезть из кожи вон, чтобы отработать свое «хлебное» место около хозяев. Ленин писал: «Гигантские размеры финансового капитала, концентрированного в немногих руках и создающего необыкновенно широко раскинутую и густую сеть отношений и связей, ... обостренная борьба с другими национально-государственными группами финансистов за раздел мира и за господство над другими странами, — все это вызывает повальный переход всех имущих классов на сторону империализма. «Всеобщее» увлечение его перспективами, бешеная защита империализма, всевозможное прикращивание его — таково знамение времени».

Таково было знамение времени столетия назад, таково оно и сейчас. Капитализм и его две главные задачи: остановка развития в мире и установление принципиального неравенства — толкают элиту и, в том числе, ученых западных стран, «научно» обслуживать капитализм, не считаясь ни с какими моральными и научными приличиями. «Так как реформистское исправление основ империализма есть обман, «невинное пожелание», так как буржуазные представители угнетенных наций не идут «дальше» вперед, поэтому буржуазный представитель угнетающей нации идет «дальше» назад, к рабству перед империализмом, прикращиванию претензий на «научность». То же «логика!» — писал В. И. Ленин в 1916 г.

Да, «логика», причем «железная». И есть все основания считать, что «планы» капитализма, о которых мы здесь все время говорили, были бы с блеском претворены в жизнь уже в первой половине XX века — не случись Великой Октябрьской социалистической революции. Собственно, все было готово к тому, чтобы эти планы реализовались — и они бы реализовались в форме победившего фашизма при сохранившемся колониализме. Но Октябрьская революция и создание СССР сорвали капитализму все его «планы»: Советский Союз разгромил фашизм в Великой Отечественной войне, обеспечил международную поддержку развала колониальной системы и самим своим существованием создал условия для развития как в колониальных странах, так и в странах-гегемонах, которые были вынуждены изменять свои социальные стандарты.

Но потом СССР проиграл в глобальном противостоянии капитализму. И «все опять повторилось сначала». Капитализм сегодня вернулся к тем же планам и к тем же методам, которые были ему присущи еще век назад. И с тем же упорством будет пытаться останавливать развитие и распространять расистско-фашистские взгляды. Все так же, вот только развитие науки и средств массовой информации ушли далеко вперед. И поэтому «мощность» капитализма несказанно возросла. Удастся ли миру устоять на этот раз — зависит, в том числе, и от того, насколько ясно мы будем понимать, что происходит, и насколько профессионально мы сможем воевать на этой, доставшейся нам войне.

Юлия Крижанская,
Андрей Сверчков

ВОЙНА ИДЕЙ

Не буду утверждать, что это была спланированная ловушка для умов. Скорее сами авторы были объектом, а не субъектом манипуляции, ее приводным ремнем

Размежевание — 2

В предыдущей статье мы говорили о процессе, который разворачивается буквально сейчас у нас на глазах — процессе тихого размежевания общества. Это касается не только социального расслоения и отражает его лишь отчасти. Деление на благополучных и неблагополучных с последующим вычеркиванием вторых из зоны ответственности первых проходит не по счету на карточке. Оно лежит в плоскости восприятия или невосприятия сегодняшним российским жителем своего соотечественника как «ближнего». (Это не светское и несколько старомодное понятие тут вполне уместно, поскольку речь идет о культурном ядре).

Такое размежевание довольно серьезная перестройка внутреннего мира человека, если он задан определенными культурными кодами. А он ими все еще задан.

Такое размежевание не может произойти формально, и не задевая глубинных структур личности. Прежде всего, такое размежевание предполагает какую-то процедуру внутренней легитимации, не правда ли?

Именно легитимация — то есть объяснения, почему допустимо отмежеваться от «ближних», от «неблагополучных». И именно внутренней, очень тщательно и глубоко проведенной. Тут недостаточно сказать: «Это низшие». Сказать и отвернуться, пройти мимо чужого страдания.

Человеку, решившемуся на размежевание всерьез, надо как-то отделаться от фантомных болей человечности. Для этого или перекрыть ее, эту человечность, в себе вообще, добиться бесчуждственности, состояния автомата, «не замораживающегося ерундой», или — произвести для себя разделение на «людей» и «недолюдей». То и другое на самом деле непросто. И полумерами типа чисто социального огораживания тут, конечно, не обойтись. Не могут совокупная «Рублевка» с совокупным же «Эхом» остановиться на полпути и молча заняться поеданием доставшего пирога под постмодернистским соусом. Они сбивают ватагу и идут на площадь предъявлять свои права на доминирование. Они делают вызывающие высказывания, которые, казалось бы, можно вовсе и не делать. Почему? Они ведь не просто «метят» этим некую смысловую территорию вдобавок к политической. Все эти «мухи», «анчоусы», «рашки — квадратные ватники», «замкадыши» и т.д. — это же не просто выверты зарвавшейся буржуазной обслуги, это направление главного удара в сегодняшней войне идей.

Человек, ступивший на путь отторжения себе подобных, должен — сознательно или подсознательно, в индивидуальном порядке или в составе группы, исповедующей схожие взгляды — определить тот генеральный критерий, по которому опознается человек. Признак, отделяющий одного от «недочеловека». В рамках монотеистических религий, где человек «сотворен по образу и подобию» и, соответственно, ВСЕ люди несут в себе отраженный свет Бога — говорить о каком-либо «разделении» излишне. Коммунистическая доктрина, с ее раскрепощением высших творческих способностей каждого (в этом она, безусловно, наследует христианству) — тоже никак не предполагает возможности неравенства.

У Экзюпери в «Военном летчике» есть очень хорошее размышление на тему равенства. Изначального человеческого равенства, по-разному, но именно преемственно трактуемого гуманистической европейской культурой. Экзюпери пишет:

«Моя духовная культура стремилась положить в основу человеческих отношений культ Человека, стоящего выше отдельной личности, чтобы поведение каждого по отношению к самому себе и другим не было слепым подчинением законам муравейника, а стало свободным проявлением любви.

Незримый путь, начертанный силою тягести, освобождает камень. Незримые силы любви освобождают человека. Моя духовная культура стремилась сделать из каждого человека Посланца одного и того же владыки. Она рассматривала личность как путь или проявление воли того, кто выше ее; она

Антуан де Сент-Экзюпери

предоставляла ей свободу восхождения туда, куда влекли ее силы притяжения.

Я знаю, откуда произошло это силовое поле. Веками моя духовная культура сквозь людей созерцала Бога. Человек был создан по образу и подобию Божию. И в человеке почитали Бога. Люди были братьями в Боге. Этот отблеск Бога сообщал каждому человеку неотъемлемое достоинство. Отношение человека к Богу ясно определяло долг каждого перед самим собой и перед другими людьми. Моя духовная культура — наследница христианских ценностей. Чтобы постичь архитектуру собора, надо задуматься над тем, как он построен.

Созерцание Бога служило основой равенства людей в силу их равенства в Боге. И смысл этого равенства был ясен. Потому что равными можно быть только в чем-то. Солдат и командир равны в своем народе. Равенство становится пустым звуком, если нет ничего, что связывало бы это равенство.

Оговорив, что вне **общей меры** происходит вырождение принципа равенства до принципа тождества и, соответственно, демагогия на этой почве, Экзюпери продолжает:

«Я понимаю, откуда происходит уважение людей друг к другу. Ученый должен был уважать грузчика, потому что в этом грузчике он почитал Бога, чьим Посланцем грузчик являлся наравне с ним. Каковы бы ни были ценность одного и посредственность другого, ни один человек не имел морального права обратить другого в рабство: ведь Посланца уничтожить нельзя. Но это уважение к человеку не приводило к рабленному пресмыкательству перед посредственностью, перед глупостью и небезжеством, потому что в человеке уважалось прежде всего достоинство Посланца Бога. Так Любовь к Богу создавала основу возвышенных отношений между людьми, поскольку дела велись между Посланцами независимо от достоинств личности.

Моя духовная культура, наследуя Богу, создала уважение к человеку независимо от его личности.

Я понимаю происхождение братства между людьми. Люди были братьями в Боге. Братьями можно быть только в чем-то. Если нет узла, связывающего людей воедино, они будут поставлены рядом друг с другом, а не связаны между собой. Нельзя быть просто братьями. Мои товарищи и я — братья во группе 2/33. Французы — братья во Франции».

Между прочим, очень похожее понимание равной ценности каждого человеческого существа для целого мне довелось как-то услышать от человека, вовсе не являющегося изысканным философом и всемирно признанным писателем — от пожилой (ныне уже покойной) деревенской женщины, едва ли закончившей больше четырех классов. Будучи сама большой труженицей и, казалось бы, совершенно не нуждаясь в объединении с кем-то для успешного ведения хозяйства (свое хоть куда), она стала объяснять мне, почему «колхоз — это было правильно». Разговор шел году в 92-м, когда на селе активно агитировали за фермерство. Эта женщина — замечу, она всегда настаивала, что неверующая (довольно редкий в глубинке случай) — сформировала потрясающее религиозное объяснение. «Ну, а как же! Когда все вместе, конечно, хорошо!

Мало ли, вот кто слабый — он один не выдохнет, а в колхозе рядом сильный, сильный потянет, он сильный — ему что! А слабый... кто ж его знает, может, он для чего-то?.. Мы ж не знаем, для чего он». Вот оно, глубоко в русском народном сознании сидящее представление о высшем смысле всякого человеческого существования, о Замысле. И какие же «модернизационные воздействия» надо произвести, чтоб это поломать?

Очевидно, что крайне серьезные. Однако не будем обольщать себя, будто эти серьезные воздействия не шли все постперестроечные и предперестроечные годы. Шли. И ставшее видным сейчас размежевание — их результат.

Так как же происходила легитимация этого совершенно чуждого русскому социуму — отторгающего — взгляда «окрест себя»?

Думаю, не будет излишним преувеличением сказать, что главным фактором, формирующим новое мировоззрение лидирующей группы — а лидирующей в позднесоветском обществе была техническая интеллигенция — оказалась наиболее читаемая и наиболее комплиментарная к данной группе литература. Литература, возвышающая эту группу, рассматривающая ее как авангард, прочающая ей немислимые успехи на пути завоевания всяческих рубежей, говорящая — что важно! — на ее языке и (что еще более важно) — говорящая о высоком, гуманном, непреходящем. То есть ровно о том, что хотелось обсуждать в студенческих общежитиях и на кухнях изрядно романтической советской молодежи. Таковой литературой, как всем известно, стала научная фантастика братьев Стругацких.

Стругацкими зачитывались с начала 60-х, они быстро оказались кумирами именно технической интеллигенции, ее культовыми авторами, на них выросло поколение активных участников перестройки. Для определенной группы авторитет братьев Стругацких был почти непререкаем, а главное, сформировалось поколение технической интеллигенции, довольно слабо образованной гуманитарно, но жадной до мысли, и оно впитывало эти интеллектуальные меседжи, как губка. Восприятие на веру, без должной критики, без возможности поставить «откровения», скажем, в серьезный философский контекст делало пылкий ум легкой добычей. Не буду утверждать, что это была спланированная ловушка для умов. Скорее сами авторы были объектом, а не субъектом манипуляции, ее приводным ремнем.

Аркадий и Борис Стругацкие

Так ли, этак ли, однако мы имеем строго зафиксированный факт — вскоре после октябрьских событий 1993 года одним из активных фигурантов перестроечного процесса Евгением Ихловым была опубликована в «Российских вестях» программная, по сути, статья «победившего класса». В ней пальба из пушек по зданию парламента (то есть, символически — по той самой демократии, что была на перестроечных знаменах) — и расстрел находящихся там (совсем уж не символических, а живых) людей были представлены как выдающееся достижение «прогрессоров», коим «повезло», что «у них были книги братьев Стругацких». Автор подробно, с восторгом апологета описывает

события именно через призму Стругацких: «3 октября 93 года Румата Эсторский призвал...». Пожалуй, это стоит и более подробного цитирования.

«Поколению молодых реформаторов повезло — у них были книги братьев Стругацких. И чувствуя себя магами из НИИЧаВо, они бросились трансформировать этот космический инопланетный мир. Им трудно, очень трудно быть богом. Но приходится!»

С космических кораблей землян, прилетевших, правда, с большим опозданием, был высажен десант космофлота, и компьютерные танки открыли меткую стрельбу...

Гуманные земляне подавили стрелецкий бунт...».

Вот такое самописание победителей. Пожалуй, ничего более людоедского про «гуманных землян» наши СМИ не публиковали ни до тех пор, ни после. И, что характерно, реакция-то того самого интеллигентского сообщества была нулевой. Разве что, когда цитата уже в последние годы оказалась вытасченной на свет с комментариями, поклонники Стругацких стали говорить, что это «какой-то Ихлов», а вовсе не их кумиры должны отвечать за написанное. Споры нет. Однако за сотворенное под аплодисменты Ихловых «прогрессорами» — среди которых главным был не просто почитатель, а родной зять Аркадия Стругацкого Е. Гайдар — отвечать все же должны идейные окормители. Не так ли? Тут иначе не выходит. Как бы ни хотелось почитателям творчества. Тем более что и сами А.Н. и Б.Н. Стругацкие вовсе не осуждали действий Ельцина и его «команды реформаторов».

Для более полного знакомства с вопросом хочу сослаться на весьма содержательный и достоверный разбор творческого пути братьев Стругацких, осуществленный в интернет-статье О. Санникова «Атака «Белого Ферзя». Эволюция взглядов Аркадия и Бориса Стругацких». Я буду ссылаться на этот материал, в чем-то с ним дискутируя, и дальше, однако для начала — о показанном автором с опорой на многочисленные интервью Б. Стругацкого факте чисто политического позиционирования младшего из братьев.

Позиционирование состояло в последовательной поддержке всех экономических и политических шагов власти, начиная с перестройки. Включая и поддержку чрезвычайных мер по контролю СМИ, и нажима на права человека («зачем вам свобода, в результате которой к власти приходит человек ее уничтожающий?»), и, конечно, поддержку неконституционных действий Ельцина в 1993 г.

Обращая внимание на то, что Б. Стругацкий поначалу защищает и Путина как «отъявленного либерала» и далеко не сразу становится его оппонентом, автор статьи риторически вопрошает, как же такое возможно после поддержки всех ключевых решений, которые, собственно, и выстроили систему? И дает свой ответ на им же поставленный вопрос, цитируя позднее интервью Б. Стругацкого: «Вот и сегодня я с трепетом ожидаю, что реформы, наконец, захлебнутся в активном сопротивлении непримиримой оппозиции и в пассивном сопротивлении вездесущего «совка» и вместо демократической республики постиндустриального типа соберем мы из привычных деталей знакомый пулемет — азиатскую деспотию, очередную диктатуру с нечеловеческим лицом». Ответ автора статьи в том, что мы имеем дело с убежденным гностиком, для которого «совок» есть олицетворение косной, злой материи и всегда будет мешать, что ситуация несправима в принципе, никакие реформы не могут быть успешными в полной мере, а относительный успех в том, чтобы держать «совков» в повиновении».

Соглашаясь в целом с этой оценкой, рассмотрим далее, что же транслировали Стругацкие как идейные поводыри той социальной группы, которая не только оказалась двигателем перестройки, но и, «заглотив» определенную смысловую наживку, постепенно перешла нравственный Рубикон.

Мария Мамиконян

ВОЙНА С ИСТОРИЕЙ

Альтернативная история нужна для расправы с настоящей историей, для разрушения исторического самосознания и, в итоге, для разрушения страны

Трясина «альтернативной истории»

Нанесенный в перестройку удар по советской истории сопровождался подрывом веры нашего народа в историческую науку как таковую. Внутренняя логика этого подрыва была следующей.

Тезис №1 — «Как нам теперь говорят, 70 лет советской истории — одна сплошная тотальная ложь».

Тезис №2 — «Значит, история и историки лгут всегда».

Тезис №3 — «Значит, историкам нельзя верить».

Тезис №4 — «Значит, верить можно только не-историкам».

Таким образом, подрыв советской истории подготовил благодатную почву для выхода на сцену одного за другим «гуру» псевдонауки, или «альтернативной истории».

Лев Николаевич Гумилёв

Страсти по Орде Гумилева

Первым «гуру» «альтернативной истории» стал Л. Н. Гумилев.

Еще в 1979 г., в преддверии перестройки, вышла в свет его первая шумевшая книга, «Этногенез и биосфера Земли». Эта книга носила общетеоретический характер. В ней была выдвинута пассионарная теория этногенеза, согласно которой все этносы проходят через ряд одних и тех же фаз, от возникновения и роста до спада и деградации (якобы в стадию деградации входит любой этнос через 1 тысячу лет после возникновения). Эта теория имела один актуальный политический вывод — о «закономерном» спаде пассионарности русских. Таким образом, деградация советской империи была представлена «закономерной».

Возникает вопрос: а как же китайцы? Согласно теории Гумилева, они, являясь, безусловно, более старым этносом, нежели русские, должны были давно завянуть. Ан нет! — претендуют на власть над миром. А знаете, почему? Потому что в Китае не пройдут гумилевские залипухи. И пора бы нам у них поучиться, ох, как пора! Но вернемся к Гумилеву, который, по утверждению очень авторитетных в данном вопросе экспертов, в узком кругу издевался над своими теориями.

Вторая известная книга Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь», изданная в 1989 г., в самый разгар перестройки, была посвящена истории и развивала миф о союзе русских с монголо-татарами. На основе глубоко выборочных цитат из источников и экзотических умозаключений, игнорируя массу археологических свидетельств, Гумилев утверждал, что Русь якобы «не была разорена» монголами, постоянная армия которых была-де совсем малочисленной, а наемники — якобы обреченными на быструю гибель в авангардном бою, а также от заградительных отрядов (ох, уж эти вечные заградотряды! не дают они покоя сердцу «пассионария»...). Угроза от монголо-татар, уверял Гумилев, была чисто «психологической».

И все же Русь уступала давлению монголо-татар — якобы исключительно потому, что находилась на спаде своей пассионарности. Спас Русь Александр Невский, «побратавшись» с сыном Батые Сартаком и побудив русских к новому взлету пассионарности. (Это мнимое «побратимство» — такая же выдумка Гумилева, как и крайне низкая малочисленность монголо-татар и предположение о том, что они не разорали русские города). Далее, утверждает Гумилев, начался русско-монгольский «вековой союз Орды и Руси». А как же Куликовская битва, спросите вы, в которой наши предки дали жесткий отпор завоевателям, эта величайшая победа русского духа, позволившая спустя век окончательно сбросить иго? В фантазийном мире Гумилева Куликовская битва из победы над монголами трансформируется в «союз», заключенный Дмитрием Донским с одним монголом (ханом Тохтамышем) против другого монгола (темника Мамаю)...

Вот такая «альтернативная история», точнее антиистория... Казалось бы, альтернативная — ну и что? А вот что. Сначала Гумилев так препарирует историю. Потом ее начинает препарировать Пивоваров и называет Александра Невского предателем, сдавшим Русь татарам. Потом это же повторяет Невзоров... Неужели до сих пор непонятно, что альтернативная история нужна для расправы с настоящей историей, для разрушения исторического самосознания и, в итоге, для разрушения страны?!

А разве «Архипелаг ГУЛАГ» — это не та же альтернативная история? А «Ледокол» Суворова? Так-то вот...

Бетон Фоменко

Вслед за гумилевскими «разоблачениями» факта татаро-монгольского ига настал черед самой унижительной низкопробной лажи — «новой хронологии», вышедшей из-под пера математика А. Фоменко и его подельника на ниве издевательств над исторической наукой Г. Носовского. В отличие от Гумилева, который глумился над своими построениями только в узком кругу, Фоменко и Носовский делали это в самых разных компаниях. У меня есть знакомый, при котором они рассуждали, хохоча: «Пипл хавает». Гумилев был человеком самоуверенным. Фоменко и Носовский — боятся любой критики как огня. Они съезжаются при любом серьезном возражении, у них начинают бегать глаза... Но в том-то и беда, что в дезориентированном обществе, каковым является «Зона Ч», даже этот бред имеет какой-то спрос и может быть при желании использован с далеко идущими деструктивными целями.

Кстати, как и Гумилев, Фоменко и Носовский пели дифирамбы «Руси-Орде»... Своим предшественником эти проходчики называют революционера-народника Н. Морозова... Хороший человек, кто спорит. В тюрьме просидел 30 лет... Стихи писал далеко не худшие... Но историко-астрономическая теория Морозова, на которую ссылаются Фоменко и Носовский... А почему бы в этом случае не сослаться на инопланетян? Или на являющихся к вам призраков?

Тут ведь все уже даже не сводится к тривильным манипуляциям и подтасовкам... Мол, Русь была Ордой, а значит... Тут — речь идет о клинике, которая превращает в ничто историческое сознание. А с превращенным в ничто сознанием можно делать все что угодно!

Фоменко с Носовским воздвигли многоэтажную чушь, утверждая, что одним и тем же лицом в истории были, например, Соломон и... Юлий Цезарь, а также Давид и... Помпей.

Из других ярких «открытий» Фоменко-Носовского — производство древнеегипетских пирамид «из бетона». М-да... В советскую эпоху, когда массовый турист не мог приблизиться к пирамидам, такая чушь могла бы сойти с рук. Но теперь-то это не так. Я уже не говорю о сотнях анализах материала этих пирамид, проведенных специалистами высочайшей квалификации. И вот на тебе — бетон... А почему не пенопласт?

Короче — кому-то очень хочется, чтобы на месте исторического сознания нашего народа возник предельно податливый материал, из которого можно будет слепить все, что захочется. То есть чтобы народа не было. И тут хоть мытьем, хоть катаньем, хоть через бетон, хоть через пассионарность, хоть через Золотую Орду...

Как я уже говорила, существеннейшим элементом этой войны с историей является недоверие к истории как профессии, истории как науке. Результатом становится дезориентация и новое варварство, в рамках которого гуру, вещающим псевдоисторическую истину, может быть и математик, и этнограф, и биолог, и писатель, и... комик.

Арийствующий Задорнов

Перехожу к комику. Сегодня, в контексте попыток устроить в России перестройку-2, «альтернативная история» вновь активно навязывается обществу. Крепчайший маразм и постмодернизм ситуации довершает то, что на этот раз учит всех истории взялся уже не этнолог-фантазер и даже не математик, а юморист. 12 декабря 2012 г., в День Конституции России, на «Рен ТВ» юморист М. Задорнов продемонстрировал фильм о древнерусском князе Рюрике. Еще ранее вышла его книга на ту же тему. На протяжении фильма Задорнов явно с трудом сдерживается, чтобы не улыбаться в лицо публике. Тем не менее, находятся те, кто верит популярному артисту... При этом новшеством является исключительный «патриотизм» теории Задорнова, явно ступающего в ногу с «патриотической» тенденцией времени... И вот здесь возникает серьезный вопрос. Действительно ли «откровения» Задорнова патриотичны?

Задорнов спорит с норманнской (скандинавской) теорией происхождения Рюрика, утверждая, что тот был славянином. В качестве доказательства предлагает фантастический бред, а в ряду экспертов выступают артисты, писатели, художники...

При таком подходе можно все. А что, если завтра Рюрик станет негром? Или дравидом? А может, американским индейцем?.. Понятно же, что в итоге он станет никем. Почему древний спор между историческими школами должен превращаться во что-то до крайности несерьезное? Не затем ли, чтобы скомпрометировать тему? А под сурдинку этой компрометации — еще и протащить идеи, крайне разрушительные для нашего и без того травмированного исторического сознания.

Президент Путин сказал о необходимости «духовных скреп». Мол, надо бы, чтобы их было побольше. К сожалению, скрепы не возникают по заказу. А в результате неслыханного разгрома нашего исторического самосознания приходится говорить не о скрепах, а о скрепе — каковой, безусловно, является Великая Отечественная война. Мы в этом убеждаемся постоянно, как и в том, что нашим врагам эту скрепу обязательно надо разрушить.

Что нужно для того, чтобы враги провалились? Нужно постоянно выявлять различия между побежденным нами врагом как источником абсолютного Зла — и нами самими. Каждый, кто выявляет эти различия, укрепляет скрепу. Каждый, кто их стирает, — волею или неволею содействует исчезновению скрепы.

Вопрос не в том, были ли славяне ариями, а также варяго-ариями, а также венедами. Смешав весь творог в один этот вареник, Задорнов все же не рискует использовать в фильме термин «арии», предпочитая говорить о варягах и венедах. Ариев он упоминает в своей книге (с легкой оговоркой, что термин испортил Гитлер).

Что именно был ариями?.. Что вытекает из принадлежности к ним? Для Гитлера из принадлежности к ариям вытекало все. Принадлежишь к ариям — являешься высшей расой, имеешь право на господство над миром.

Эта отвратительная теория, бывшая основой побежденного нами Зла, поддержана,

естественно, быть не может. Потому что мы, поддержав эту теорию и все, что из нее вытекает, перестаем быть народом, победившим Зло в силу разного рода высоких причин — исторических, метафизических и так далее.

Приняв более или менее модифицированный гитлеризм и начав гордиться арийством как избранностью, мы не только падаем метафизически в еще более глубокую пропасть, чем та, куда мы уже упали, отказавшись от коммунизма. Мы вдобавок еще и терпим колоссальный политический урон. Ибо оказывается, что мы «зря» воевали с Гитлером. Что нас, так сказать, развели, а мы, как лохи, на это поддались, так как находились под властью чужих сил. Вестимо дело, как-ких... Признал это — и пиши пропало. Великая Отечественная война — «заблуждение и проищи злых сил». Власов — «герой». Все, кто пишут на стеклах автомобилей «Спасибо деду за Победу!» — «козлы». Гитлер — тоже «герой». А мы победили его себе на погибель и действуя по наущению «злых сил». Последняя скрепа рухнет, исторического сознания и народа не существует — бери его голыми руками. Сталин тогда не просто хуже Гитлера. Он «преступник», уничтоживший «героя». И все, кем он руководил, тоже «преступники». Хотите каяться — идите в услужение новым гитлеристам и кайтесь за то, что под эгидой «преступного Интернационала» сокрушили великодушного «Фюрера».

Я не утрирую. Я предупреждаю, что такие провокации готовятся. И что разминка идет полным ходом. Я не знаю, участвует ли в этих провокациях г-н Задорнов сознательно или нет. И, поверьте, я не из числа тех, кто падает в обморок при слове арии или при обсуждении позитивного значения свастики и ее несводимости к гитлеризму.

Но был, помнится, такой роман Г. Уэллса «Необходима осторожность». Так вот, нам она сейчас и впрямь крайне необходима. Мы уже слишком сильно подорвали свое историческое самосознание для того, чтобы пускаться безоглядно во всякого рода тяжкие. Сегодня нашу идентичность препарировать Задорнов, завтра Жванецкий, потом еще кто-нибудь... Грань между авторитетным и исторически обоснованным суждением и постмодернистской выдумкой — стирается. И народ окончательно засасывает трясина исторической произвольности.

Обратите внимание: Задорновым как великая сенсация преподносится интервью с работающим в Гарварде биохимиком-мистификатором А. Клесовым. Клесов утверждает, ссылаясь на проведенный им ДНК-анализ, что славянам-ариям 5 тысяч лет, а остальные европейские этносы их гораздо моложе... Я как профессиональный историк не являюсь противником использования точных методов. Используйте хоть радиологию, хоть биохимию — лишь бы во славу исторической истины. Но надо отдавать себе отчет в ограниченности всех точных методов. К сожалению, это понятно только тем, кто по-настоящему в курсе, кто эти методы использовал, натыкался на их ограничения... Бытует, например, мнение, что геном человека расшифрован. Он действительно расшифрован, весь вопрос в том, как именно? И если кто-то думает, что осуществленная его расшифровка сулит все то, что описано в фантастических романах, то вынуждена его огорчить. Такую расшифровку, может быть, осуществят лет через 50, а пока что речь идет совсем о другом. Но ведь находятся авантюристы, которые говорят о геномном интеллекте, обязательности наследуемости интеллектуальных качеств. Ясно ведь, зачем это нужно, правда? Это нужно, чтобы освятить авторитетом науки интеллектуально-расовый бред о креативном классе и о многих других вещах.

А коли так, то не будем скакать «галопом по Европам», и разберемся более детально в существовании построений, по отношению к которым вполне справедливо утверждение: «Это было бы очень смешно, если бы не было так грустно».

Ирина Кургинян

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

Во Францию пришел враг. Враг ее семей, детей, ее будущего. Он завоевал ее. Пока что только законодательно. Для нас крайне важно, во что превратится неожиданно мощное сопротивление французов этому врагу

Французское сопротивление. Первый опыт

Итак, Франция стала девятой страной в Европе (нелишне напомнить читателю, что остальные семь — это Бельгия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Дания, Португалия, Испания, Исландия) и четырнадцатой в мире, легализовавшей однополые браки. С одобрения Парламента, Конституционного суда, правительства и, главное, самого президента Франсуа Олланда, который, невзирая на катастрофически падающий рейтинг (до 19%), вместе со своей Социалистической партией «сделал это».

Конечно, на стремительное падение доверия к президенту Олланду повлияли и безработица (10%, среди молодежи — 25%), и экономический спад — отсюда желание более половины французов (до 40 лет) уехать из страны, и другие социально-экономические проблемы. И хотя результаты опросов бодро утверждают, что лишь 6% французов обеспокоены легализацией однополых браков, количество протестующих, начиная с осени 2012 г., впечатляет не только «гомофобски» настроенных российских граждан, но и власти Франции, которые явно не ожидали такой массовости протеста. В акциях, по разным данным, приняли участие от 300 тыс. до 1,4 млн французов, было собрано 700 тыс. подписей «против».

Однако подчеркнем, что до утверждения законопроекта общественное мнение было отнюдь не против закона: 60% французов поддерживали однополые браки, а 50% поддерживали усыновление детей однополыми парами. Сегодня под влиянием массовых протестов и обсуждения проблемы в обществе цифры поддержки, скорее всего, снизились. Но факт остается фактом — первоначально французское общество не возражало против закона. Как не возражало оно против многолетнего диктата ювенальной юстиции, которая вносит свою лепту в разрушение семей.

Сначала о законе, разрешающем однополые браки и усыновление однополыми парами детей. Еще в 1999 г. во Франции был принят Гражданский договор солидарности (ПАКС), который давал гомосексуальным и гетеросексуальным парам, проживающим вне брака (уравнивая их таким образом), минимальные личные и имущественные права. Это был контракт, который заключался между двумя лицами для организации совместной жизни. Эти двое должны быть совершеннолетними, не состоять в браке и не являться близкими родственниками. Пол значения не имел.

В отличие от брака Гражданский договор раторгался автоматически по просьбе одного из двух лиц. Что при повсеместном падении нравов было весьма кстати. Такая конструкция квазисемейного проживания стала первой ступенью для внедрения в общественное сознание нормы заключения однополых союзов. Пользовались ПАКС, естественно, в основном, гетеросексуальные (нормальные) пары (столько геев и лесбиянок еще не нашлось во французском обществе). Они и прививали к новой норме.

С 2007 г. обновленный ПАКС несколько расширил права партнеров. А в 2011 г. была предпринята попытка оспорить запрет на однополые браки в Конституционном суде Франции. Однако тогда, в отличие от нынешней ситуации, суд на это не пошел. Он постановил, что статьи Гражданского кодекса, в которых брак трактуется только как союз между мужчиной и женщиной, соответствуют Конституции. То есть тогда время для принятия обсуждаемого нами закона не пришло.

Но лобби, которые продвигали ПАКС (как, например, Ассоциация геев и лесбиянок), многие годы занимались вопросами усыновления детей однополыми семьями. Они работали через властные и политические структуры (их группы влияния действуют практически во всех французских политических партиях).

Такая технология хорошо знакома и у нас в России по внедрению ювенальных технологий и законов. У сторонников однополых браков во Франции крепкая и безусловная поддержка СМИ (как и у нас), они

Фрижид Баржо

устраивают акции в парламенте, работают над текстами законопроектов, над юридическими аспектами вопросов и информационным сопровождением и, в конечном счете, влияют на принятие национальных политических решений.

Во французское гей-сообщество входит множество видных государственных деятелей и политиков. Есть крупные бизнесмены, которые дают на все это деньги. И хотя в СМИ в связи с обсуждаемым законом и протестами на слуху имя Пьера Бурже, масонская ложа «Великий восток Франции» и пр., мы не будем опираться на теории заговора, а постараемся взглянуть в ту поистине военную ситуацию, в которой оказалась Франция.

Итак, время для легализации однополых браков и усыновления ими детей во Франции пришло. Пришло оно вместе с избранием Франсуа Олланда на пост президента (май 2012 г.). Ибо он обещал разрешение этой проблемы еще в ходе предвыборной кампании. Уже в июле в парламенте было заявлено о новом законопроекте, который даст право на брак и усыновление всем парам. Законопроект получил название «Брак для всех», а социалисты во главе с президентом поставили его во главу угла проводимой ими социальной политики.

Однако принятие этого закона вызвало небывалый протест во Франции. Как мы знаем, вышеперечисленные 8 стран Европы, принявшие закон ранее, не протестовали. Уже в октябре 2012 г. одновременно в 75 городах Франции прошли протесты против легализации однополых браков под лозунгами «Да — семье», «Нет — гомобезумию», «Семья священна». Первоначально они не были многочисленными: в Париже участвовало 1500 человек, в Лионе — 400, в Бордо — 400.

Представители основных французских конфессий: католики, иудеи, православные, протестанты, мусульмане и буддисты — выступили против однополых браков и против усыновления такими парами детей. Из всех конфессий только либеральное крыло протестантизма повело себя конформистски. Католическая церковь официально высказалась о недопустимости однополых браков. А архиепископ Лиона кардинал Филипп Барбарен предостерег, что введение однополых браков — прямая дорога к легализации полигамии и инцеста, а значит и к полному «распаду общества». На требование протестующих провести референдум правительство ответило отказом. 7 ноября Совет министров Франции утвердил текст законопроекта, в январе 2013 г. закон поступил на утверждение в парламент.

13 января 2013 г. прошли акции уже другого масштаба. Самая крупная из них — в Париже. Требование протестующих — проведение общественных слушаний и референдума. Участники протеста приехали в этот день из разных уголков Франции. Акция под названием «Манифестация для всех» против законопроекта «Брак для всех» по данным организаторов, насчитывала 800

участников. С учетом того, что население РФ в два с лишним раза больше населения Франции, это эквивалентно митингу в Москве, число участников которого — порядка двух млн. Представляете себе такой митинг?

И вот тут-то начинается главное.

Право же, позиция французских СМИ заслуживает отдельного обсуждения!

«Фигаро» пишет, что правительство и СМИ соревнуются друг с другом в массовой дезинформации. Что используется систематическое занижение числа участников. Что приводятся материалы, доказывающие, что МВД корректировало снятые с вертолета кадры, по которым определяется количество участников акций. Организатор протестов Фрижид Баржо заявила, что не исключает того, что может подать в суд на парижскую полицию, которая «участвует в манипуляциях со стороны правительства», публикуя поддельные фотографии с заниженным числом участников акций. Организаторы одной из акций говорят о 270 тыс. участников, а полиция — о 45 тыс.

СМИ много говорят о духе насилия, якобы царящем в среде протестующих. О гомофобии протестующих и т.д. В официальной версии протест представлен как акция горластого и одержимого ненавистью к гомосексуалистам меньшинства, к которому присоединились вишисты и нацисты. Раздаются призывы ввести цензуру против выступлений Фрижид Баржо. В ответ на просьбу не принимать закон, на протестующих (в том числе по детям) был пущен небезопасный слезоточивый газ.

А вот как описывает атмосферу тех же митингов очевидец (член французской ячейки «Сути времени»): «Атмосфера на протестных акциях была чудесная: детишки бегают, резвятся... море флагов, песни. Общество католической толпы создает очень теплую атмосферу, где семьи, дети, флаги, песни, традиционные ценности... Выступал гомосексуалист, который против гомобраков. Он говорил, что поддерживает борьбу против гомобраков для того, чтобы у детей страны было будущее».

Как пишут наши товарищи, первоначально европейские СМИ нейтрально повествовали о сотнях протестующих французов. Отмечая, что среди них, к сожалению, оказывались радикальные экстремисты-провокаторы, поэтому полиция вынуждена подавлять радикальные вспышки слезоточивым газом. Такие комментарии не соответствовали видеокадрам, на которых видно, что белые французы и француженки, часто пожилые, попадая под облака слезоточивого газа, падают, искренне недоумевают и возмущаются произволом. Однако довольно скоро оценки СМИ стали злее и критичнее по отношению к противникам гомобраков — все участники протестов превратились в радикальные элементы, среди которых консерваторы, христиане, мусульмане, правые радикалы, экстремистские католики. При этом размещались фото «зверски избитых» геев.

Весной законопроект утверждает верхняя палата Сената (179 голосов против 153, здесь нет подавляющего большинства у социалистов) и нижняя палата французского парламента («за» — 331 голосов, «против» — 225). Как мы видим, такой расклад голосов говорит о нешуточной политической борьбе. Но, наплевав на все (рейтинг, раскол французского общества и т.д.), президент Олланд 18 мая подписал закон «Брак для всех».

Но кто же противники принятия закона? Кто же эти если не миллионы, то сотни тысяч людей, вышедших на беспрецедентные по накалу и количеству участников акции протеста?

Кто возглавляет протест? Кто его организует и вдохновляет? Лидер №1 — это Фрижид Баржо. Такой эпатажирующий псевдоним (Фрижид — перевод понятен, Баржо — сумасшедшая) взяла себе бывшая актриса, писательница и журналистка Вирджини Телен. Именно она сумела объединить протестные движения против закона.

Кто еще организует и вдохновляет процесс? Конечно же, церковь. Среди всех конфессий католики действуют активнее всех. И даже дают опору. Так, в ноябре во время 10-тысячной манифестации в поддержку традиционной семьи, организованной католическим институтом Civitas (на эту акцию парижане пришли с детьми), полтора десятка активисток Femen устроили провокацию в своем привычном полуголом виде с матерными надписями на теле. И... получили от активистов Civitas безжалостный отпор. У девиц Femen — синяки, ушибы... у одной из них выбит зуб... И хотя Femen-акция не была санкционирована, активисток быстро отпустили, в отличие от задержанных «религиозных фанатиков из числа националистов».

СМИ писали: «Активистки Femen решили сделать мирную акцию протеста смешной, придя на нее одетыми как монахини с юмористическими лозунгами», однако «агрессию кривокожных католиков смогли остановить только полицейские и подоспевшие представители ЛГБТ-сообщества Франции». Узнаете сходный либеральный стиль что российских СМИ?

Между тем, у побитых девиц появился серьезный покровитель — уполномоченный по правам человека Франции Франсуа Зимере. Высокое покровительство появилось не просто так, а под глобальные задачи. Для зарегистрированных как политические беженцы женщин в Париже открывается Центр по подготовке активисток Femen (приглашаются активистки со всего мира). Планируется открытие представительства в Нью-Йорке, Монреале, Сан-Паулу, Германии, Бразилии и т.д. (мир велик, возможности есть, кадры нужны). Активистки Femen «видят себя» не иначе как международным движением.

Вслед за французскими католиками выступили «правые». При этом они все против усыновления детей, хотя не против гейских браков. Набирающая рейтинг председатель «Народного фронта» Марин Ле Пен заявила, что если она станет президентом, то отменит закон.

Более 1000 мэров городов и деревень собираются организовать Сопротивление и не регистрировать гейские браки. «Левые» кричат, что это нарушение законов Республики, и они должны подчиниться, мэры отвечают, что насаждается либеральный фашизм.

Во Францию пришел враг. Враг ее семей, детей, ее будущего. Он завоевал ее. Пока что только законодательно. Для нас крайне важно, во что превратится неожиданно мощное сопротивление французов этому врагу. Ограничится ли все хэппенингами, пусть и весьма впечатляющими. Или же возникнет реальное Сопротивление, подобное тому, которое существовало во Франции в годы войны. Опыт такого Сопротивления нам, не намеренным сдаваться ЛБГТшникам, ювенальщикам и т.д., согласитесь, очень пригодился.

Вера Сорокина

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

Безумна, самоубийственна и преступна любая попытка Израиля содействовать краху Асада. Ведь в этом случае к власти в Сирии придет совокупная «Аль-Каида»

Сирийский колокол — 5

Апрель 2013 года стал для Сирии месяцем самых ожесточенных за долгое время боев. Большинство арабских СМИ было заполнено описаниями этих боев, получивших обобщенное наименование «битвы за Кусейр» — по названию города на границе с Ливаном, где расположен военный аэродром. Описания этой битвы в арабских СМИ носили апокалипсический характер. И объяснялось это беспрецедентным участием в этих боях иностранцев, причем с обеих сторон.

3 апреля 2013 года представители оппозиции заявили о ранее немислимом открытием разрывании в Дамаске подразделений иранской армии и отрядов ливанского проиранского движения «Хизбалла».

По утверждениям арабских СМИ, на стороне Дамаска в боевых действиях под Кусейром участвовали «Хизбалла», иракские, пакистанские и индийские шииты, а на стороне сирийских оппозиционеров — сотни арабских джихадистов, также из разных стран. Ливанские СМИ писали, что «Хизбалла» перестала относиться к боям как к отдельным операциям и вступила в «тотальную войну не на жизнь, а на смерть».

По утверждениям же сирийской оппозиции, «битва за Кусейр» была «крупнейшей интервенцией» «Хизбаллы» за все время войны в Сирии.

Бои продолжались в течение всего апреля. В ночь на 5 мая ВВС Израиля, как сообщила New York Times, нанесли удары по нескольким важнейшим военным объектам в районе Дамаска. Сирийские источники сообщали о трехстах погибших и сотнях раненых.

Таков краткий событийный ряд, обозначающий ход боевых действий на территории Сирии в апреле 2013 года, в которых участвовали как иностранные шиитские подразделения, так и израильские ВВС.

Возникает устойчивое впечатление, что адресатом всех взываний сирийской оппозиции и арабских СМИ по поводу шиитов и «Хизбаллы» изначально был именно Израиль. Прежде всего, на это указывают слова президента США Барака Обамы, произнесенные им 6 мая 2013 года: «Израиль имеет полное право на оборону и защиту своей территории и справедливо оспаривается передачи новейшего оружия таким террористическим организациям, как «Хизбалла».

Так что в общем портрете сирийской войны начинают просматриваться черты включенного в эту войну израильско-иранского или, шире, израильско-шиитского конфликта.

Давайте разберемся, откуда берется такое представление о сирийской войне. Для этого начнем издалека и обратимся к докладу старейшего американского «мозгового треста» Brookings Institute «Как найти дорогу до Персии?», вышедшего в июне 2009 года.

Доклад настойчиво подчеркивал, насколько неприемлемы для США затраты, необходимые для прямой военной кампании против Ирана. Там говорилось: «... Операции в конфликтах малой интенсивности, будь то действия против повстанцев или операции по стабилизации, такие как установление контроля над Ираном после вторжения, требуют относительно большего количества сил обеспечения безопасности, потому что непрелюбимым условием успеха является защита гражданского населения от активно

распространяющегося насилия. Ученые и эксперты по борьбе с повстанцами полагают, что для защиты гражданских сил от действий повстанцев и других форм насилия, столь частых в период восстановления порядка после конфликта, требуется около 20 сотрудников сил обеспечения безопасности на 1000 человек. Данное соотношение указывает, что для оккупации Ирана будет необходимо участие оккупационных сил численностью в 1,4 млн человек».

Далее в докладе сделан вывод: «... Даже если США, полагаясь на превосходство в подготовке, технологиях и тактике, смогут сократить данное число вдвое, остаток по-прежнему представляет собой практически полный (выделено в докладе) действующий состав армии США и морских пехотинцев. Даже если стоит задача поддержать столь многочисленные войска в Иране в течение шести месяцев, ... такая операция потребовала бы, без сомнения, массовой мобилизации Национальной гвардии и резервов как армии, так и морской пехоты».

Таким образом, авторы доклада приводят высокие американские инстанции, принимающие решения, к мысли о том, что издержки прямого военного воздействия на Иран находятся за всеми допустимыми пределами.

Кроме того, ниже на страницах того же доклада откровенно говорится: «Иранцы по природе — яростные националисты, и несмотря на то, что многие встретят с радостью окончание режима и установление лучших отношений с США, большинство, как свидетельствуют данные, будет яростно противостоять вторжению США».

Что это означает? Это означает, что иракский вариант в Иране не проходит.

Что же в таком случае остается? Остается возможность ударить по Ирану не напрямую, а косвенно, а также чужими руками (разумеется, израильскими). Именно к этому вопросу авторы доклада и переходят в дальнейшем, обсуждая «за» и «против» такого подхода к иранской проблеме.

При этом сами авторы отнюдь не представляют апологетами израильского удара по Ирану, они лишь обобщают соображения американской экспертной мысли:

«В каком-то смысле, вариант израильского воздушного удара требует малого. Если США решат, что этот вариант оправдан, то понадобится только один (выделено нами) разговор между Вашингтоном и Иерусалимом на высшем уровне. (Уверенность в этом впечатляет, не правда ли? — М.П.) ... Этот удар может быть нанесен намного раньше, чем это могут сделать США, хотя и будет намного слабее, чем это могли бы сделать США».

Конечно, подобные «проекты» муссируют десятки газетных колумнистов в разных странах. Но эти же слова обретают совершенно другую степень авторитетности, когда исходят от американского «мозгового треста» топ-уровня. Однако авторы доклада продолжают:

«Даже в этом случае США, вероятнее всего, легко не отделаются. Во-первых, израильтяне могут потребовать помощи от США. Даже если Израиль больше готов нести риск возмездия Ирана (!) и международного неодобрения (!!) (вот реальная изнанка

пышных слов президента США о том, что нужно уважать возможное решение Израиля защищать себя — М.П.), неуязвимым он все равно не является и может запросить определенное обязательство от США перед тем, как нанести удар. Например, Израиль может подождать, пока не будет иметь в руках мирный договор с Сирией (предположим, что Иерусалим верит, что его можно достичь)... Следовательно, израильтяне могут захотеть, чтобы Вашингтон пострадал посредничать между Иерусалимом и Дамаском».

Давайте учтем, что доклад написан в 2009 году, когда такие предположения об американском посредничестве еще могли прозвучать хотя и вполне цинично, но все же еще не столь дико, как сейчас. И отметим, что тема Сирии как промежуточного звена на прописанной в докладе линии моделируемого конфликта «Израиль — Иран» возникла уже тогда.

«Во-вторых, ... США тоже должны подготовиться к возможности ответного удара Ирана, особенно если израильские военные самолеты полетят через Иорданию и Ирак».

Обобще, одним из важных свойств этого доклада является не только его содержание, но и тон, с которым это содержание преподносится. Этот тон замешан на ощущении власти, на убежденности в своем праве на любое мироустройство. И это неслучайно.

Ведь адресат всех материалов «Брукингс Институт» (БИ) — американский высший властный эшелон. Вновь подчеркну, что БИ является одним из старейших и влиятельнейших «мозговых трестов» США. Что многие сотрудники БИ — бывшие служащие Госдепа или СНБ. И что среди оценок работы института имеется, к примеру, такая оценка историка Джеймса Аллена Смита: «... Лучшим свидетельством долгосрочного успеха и влияния этого института служит... его способность создавать такие сети экспертов, которые по-прежнему превосходят проблемы страны еще до того, как начинаются протесты конторы дискуссий по этим вопросам».

Именно этот принцип и позволяет уяснить, как именно прогнозы и оценки таких «мозговых трестов», как БИ, определяют генеральные направления американской внешней политики. Интересно, например, что в феврале 2011 года, то есть в разгар «арабской весны», БИ выпустил новый доклад, имеющий название с выраженной мироустроительной окраской: «Ливийский тест нового международного порядка». А в апреле 2011 года БИ выпустил очередной материал под названием «В Сирии Асад должен сойти со сцены». Таким образом, работы института в некотором смысле обозначают пункты на «дорожной карте» «арабской весны».

При этом необходимо помнить, что само явление «арабской весны» призвано было стать частью решения проблем американской гегемонии, осознанных в США гораздо раньше. Известна знаменательная речь генерала Уэсли Кларка, произнесенная им в 2007 году в Калифорнии. В этой речи генерал ссылался на слова Пола Вулфовица, бывшего замминистра обороны США, произнесенные им еще в 1991 году. Вулфовиц сказал тогда, что у США имеется 5–10 лет для того, чтобы снести просоветские сателлитные режимы — в частности, в Сирии, Иране и Ираке — раньше, чем какое-либо из государств займет место региональной сверхдержавы. Вот где берут начало разработки США по реформатированию Ближнего Востока!

Для устранения режима Саддама Хусейна в Ираке понадобились две военные кампании. Иран все еще остается нетронутой мишенью. В том числе и потому, что Сирия, где уже два года идет гражданская война с признаками не слишком тщательно скрываемой интервенции, оказывает ожесточенное сопротивление попыткам свержения режима в Дамаске. И в некоторых аспектах, как мы видим, именно сирийская территория оказывается сегодня полем для опосредованного столкновения Ирана и Израиля.

При этом буферной зоной по отношению к сирийскому театру военных действий является территория Иордании. Уже давно звучат утверждения, что именно в этой стра-

не идет подготовка боевиков вооруженной сирийской оппозиции для будущих сражений. В последнее время заговорили и о том, что в этой подготовке, помимо американских инструкторов, участвует также французский и британский спецназ.

В начале января 2012 года, в связи с окончательным выводом войск США из Ирака, американский спецназ был перебросен в Иорданию и размещен таким образом, чтобы составить преграду для возможного сирийского вторжения. За этими перемещениями пристально следили израильские СМИ, которые сообщили, что американские войска были размещены на авиабазе короля Хусейна в 10 км от сирийской границы.

Летом 2012 года американский контингент в Иордании был увеличен за счет «военных специалистов», присутствие которых стало необходимым для «обеспечения безопасности в лагерях сирийских беженцев». В региональных СМИ появилась информация о том, что американцы инструктируют иорданских коллег «на случай возникновения чрезвычайных ситуаций с химическим и биологическим оружием».

Такое демонстративное присутствие в регионе американских подразделений (при неоднократном высказанном нежелании США ввязываться в сирийский конфликт), по всей видимости, имеет задачей и то, что было обозначено в процитированном нами докладе «Брукингс Институт». А именно — непрерывно демонстрировать Израюлю американскую готовность «подстраховать» его, чтобы стимулировать израильскую антиисламскую (прямо или косвенно антииранскую) военную активность.

Таким образом, мы видим, что представление о силах, задействованных в сирийском мироустроительном конфликте, и о самом этом конфликте неуклонно усложняется. Мы видим также, что сирийский конфликт в его нынешнем формате вовсе не следствие той или иной политики Асада в отношении исламской суннитской оппозиции, а результат многолетнего формирования американской ближневосточной мироустроительной стратегии.

Сегодня этот конфликт фактически является и главной площадкой большого регионального суннито-шиитского конфликта, и «фокусной точкой» конфликта арабской национальной государственности с суннитским джихадизмом. Этот же конфликт одновременно и неизбежно оказывается проекцией базового американско-иранского конфликта, а также проекцией конфликта между Израилем и Ираном, Израилем и ливанской, шиитской проиранской «Хизбаллой». Поэтому судьба сирийского конфликта все в большей степени становится ключевой проблемой ближневосточного мироустройства. И нет никакой гарантии, что этот конфликт в дальнейшем не обретет еще более широкие и еще более кровавые мироустроительные контексты.

По нашему мнению, безумна, самоубийственна и преступна любая попытка Израиля содействовать краху Асада. Ведь в этом случае к власти в Сирии придет совокупная «Аль-Каида». Делая такое утверждение, необходимо разобрататься в деталях. Асад, защищаясь от фактической агрессии, опирается на тех, кто готов ему помочь. А это «Хизбалла» и Иран. Израильтяне обнаруживают у себя под боком не мирных алавитов, а своих непримиримых врагов. Ударить по ним — поможешь «Аль-Каиде». Не ударить... Тогда вместо Асада (при котором на Голанах было тихо), увидишь Сирию с лицом «Хизбаллы», а то и Стражей исламской революции. То-то радость!

Подчеркнем еще раз, что любое действие Израиля против Асада и алавитов — самоубийственно и преступно. Но главное — Израиль все более превращается и в марионетку сомнительных американских мироустроителей, и просто в щепку, волокущуюся в турбулентном потоке.

(Автор статьи благодарит за помощь группу переводчиков движения «Суть времени».)

Мария Подкопаева

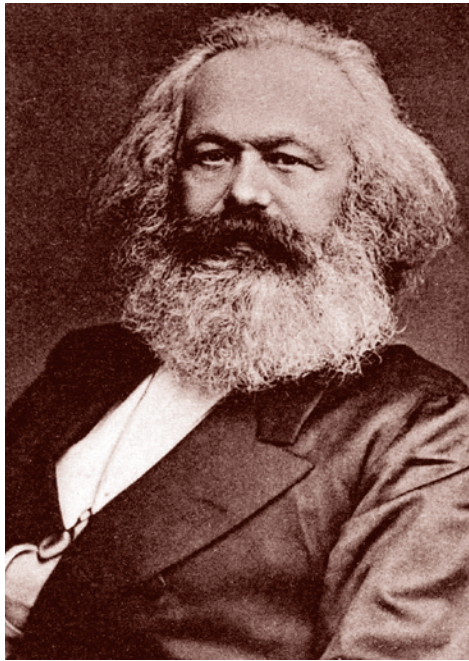

з. Кусейр, Сирия

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВОЙНА

Маркс подчеркивает, что в истинном коллективизме не прагматически понимаемый интерес, а братство и потребность в общении из средства достижения целей становятся целью сами по себе

Коллективизм и история — 4. Карл Маркс и его последователи

«само производит свою жизнь». Но при этом Маркс ценил и материализм Фейербаха, и его коллективистский пафос, основанный на постулате взаимной любви как неотъемлемого свойства человеческой индивидуальности.

То есть пафос, далеко выходящий за рамки той «общности интересов», на которой чаще всего базировали свои коллективистские концепты социалистические и коммунистические утопии. Уже в «Экономико-философских рукописях 1844 года» Маркс проводил четкое размежевание с «вульгарным», или «грубым» коммунистическим коллективизмом таких своих предшественников (Прудона, Кабэ и других, о которых мы говорили ранее). Особенно тех, кто считал решением проблемы коммунистического коллективизма простое обобществление собственности, а также уравнительное распределение благ, создаваемых примитивной общиной.

Маркс негодовал по поводу подобной проповеди фактического возврата к якобы благу премодерну. И о концептах таких коммунистов писал: «...*Всякая частная собственность как таковая ощущает... зависть и жажду нивелирования... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования... Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее. Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выглаживаемой... общиной как всеобщим капиталистом...*».

Далее Маркс разъясняет свою позицию, разграничивая мнимый и истинный коллективизм.

Мнимый коллективизм, который Маркс часто называет «вынужденным», включает коллективизм первобытной общины, а также коллективизм рабов, феодальных крестьян или наемных рабочих, который базируется на классовой солидарности. Маркс подчеркивает, что солидарность рабочих, сплоченных близкими условиями труда и жизни и враждой с капиталистами, то есть солидарность интересов, — категорически недостаточна хотя бы потому, что рабочие еще и конкурируют между собой на рынке труда. В этом смысле солидарность пролетариев, в сущности, ничем не отличается от солидарности капиталистов, которые одновременно и сплочены против рабочих, и конкурируют друг с другом.

Истинный коллективизм, в отличие от мнимого «коллективизма интересов», предполагает личные доверительные отношения людей друг с другом. В тех же «Экономико-философских рукописях 1844 года» Маркс пишет: «*Когда между собой объединяются коммунистические рабочие, то целью для них является прежде всего учение, пропаганда и т. д. Но в то же время у них возникает благодаря этому новая потребность, потребность в общении, и то, что выступает как средство, становится целью. Каким блестящим результатом приводит это практическое движение, можно видеть, наблюдая собрания французских социалистических рабочих. Курение, питье, еда и т. д. не служат уже связующими средствами. Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение; человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их зарубельных от труда лиц на нас сияет человеческое благородство.*».

Как мы видим, Маркс не использует в своих определениях истинного коллективизма феербаховы термины «любовь» и «блаженства», распространяющихся

на других. Но подчеркивает, что в истинном коллективизме не прагматически понимаемый интерес, а братство и потребность в общении становятся самодостаточными ценностями, из средства достижения целей становятся целью сами по себе.

При этом Маркс вовсе не отрицает коллективизм как средство освобождения труда от эксплуатации, от капиталистического отчуждения результатов этого труда. И не исключает прагматически понимаемый классовый интерес из причин возникновения пролетарского коллективизма и пролетарской солидарности. Однако — вновь подчеркнем — Маркс считает такой интерес лишь первой ступенью к обретению истинного коллективизма. Поскольку Маркс убежден, что только возникающая в ходе становления коллективности взаимная страсть к общению как взаимообогащению ценностями (знанием, пониманием, духовностью), ставшая целью сама по себе, — способна, соединившись с освобождением от капиталистического отчуждения труда, действительно обеспечить и личное, и общественное развитие.

Именно эту позицию Маркса, по сути, и отражает та формула коммунизма, которую для нашего движения «Суть времени» заявил Сергей Кургинян: «*Коммунизм есть раскрепощение и пробуждение в каждом человеке его высших творческих способностей.*».

В частности, именно по вопросу такого раскрепощения и пробуждения творческих способностей человека Маркс спорил со своим зятем Полем Лафаргом и его сторонниками. Лафарг считал, что эти процессы раскрепощения и пробуждения творческих способностей могут быть реализованы только в свободное время. И потому (сначала в статьях начала 1870-х годов, а затем в полемической брошюре 1890 г. «Право на лень») выдвинул идею о необходимости радикального сокращения рабочего дня работника как главного условия раскрепощения и пробуждения его творческих способностей. А Маркс считал этот подход упрощением, поскольку он недооценивает роль становления истинной коллективности, творчества и развития в самом процессе свободного, не отчужденного труда.

В 1848 г. Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» написали, черным по белому, что отчуждение пролетариата от средств производства и созданной его трудом прибавочной стоимости, означает одновременно отчуждение от истинной коллективности, свободы и развития: «*В существующих до сих пор суффражатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, развивавшихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса... В условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством ее... Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода... На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.*».

Также в «Манифесте» Маркс и Энгельс поднимают проблему, которая не получила окончательного разрешения до сих пор.

Манифест заявляет, что буржуазия в ходе создания всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим (то есть, на современном языке, провела глобализацию производства и потребления), включая духовное производство и потребление. Однако при этом оговаривается, что освобождение от капитализма и становление истинного коллективизма будет происходить сначала в национальных

границах наиболее развитых буржуазных стран: «*Пролетариат каждой страны сначала должен покончить со своей собственной буржуазией.*».

В то же время Маркс и Энгельс подчеркивают, что пролетарская солидарность и коллективизм не будут знать национальных границ: «*Коммунисты отличаются от других пролетарских партий тем, что в борьбе пролетариев разных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата. Национальная обособленность и противоположности народов все более исчезают со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни... В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, будет уничтожена и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой.*».

Таким образом, Маркс и Энгельс подчеркивают следующую линию развития коллективизма: от грубого пролетарского коллективизма интересов — к истинному пролетарскому коллективизму целей и ценностей. А далее — к пролетарскому интернациональному коллективизму, способному обеспечить глобальное движение к бесклассовому обществу истинного коллективизма и, соответственно, глобальное свободное развитие человека и человечества.

Эти идеи сыграли большую роль в создании в 1864 г. Первого коммунистического Интернационала. Но вскоре вопрос о «глобальном коллективизме пролетариата» (пролетарском интернационализме) стал одной из причин конфликтов и расколов между партийными делегациями разных стран в Первом Интернационале.

Очень большое влияние на этот раскол оказала франко-прусская война 1870–71 гг. По итогам войны Германский союз (Германия, превращающаяся из раздробленных княжеств и графств в империю) не только присоединил к себе Баварию, Баден, Вюртемберг и Южный Гессен-Дармштадт, но и аннексировал у Франции Эльзас и Лотарингию.

Эта война заметно поколебала в революционной среде всех стран Европы убежденность в справедливости тезиса о пролетарском интернационализме. Поскольку показала, что достаточно широкие пролетарские массы с обеих сторон, включая многих членов социалистических и коммунистических партий, в ходе войны захватил воинствующий национализм.

Конечно, вопрос о пролетарском интернационализме был далеко не единственным, из-за которого Первый Интернационал после ряда внутренних конфликтов оказался распущен в 1876 году. Острая полемика (как между партиями Первого Интернационала, так и внутри этих партий) шла и по вопросам отношения к анархизму, и по вопросам парламентского сотрудничества с буржуазной властью для навязывания этой власти демократических перемен, и по вопросам условий готовности масс к революции, и т. д.

Но вопрос о пролетарском интернационализме как механизме и возможности становления глобального истинного коллективизма оказалась чрезвычайно важен. Этот вопрос и в последней трети XIX века, и позднее регулярно становился предметом острой полемики в социалистической и коммунистической прессе, а также в программных документах революционных партий и движений. И конечно, же, этот вопрос был постоянным предметом напряженного внимания врагов коммунистов из разных политических лагерей.

О том, как шла эта полемика, и кто и как в нее вмешивался, — в следующей статье.

Юрий Бялый

ДИФФУЗНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ВОЙНЫ

Все говорит о сложной коварной игре, которую ведут США и их союзники на нашей территории

Юг России. Опасные сепаратистские тренды и их кураторы

Поток сведений о террористической деятельности исламистского подполья на Юге России предоставляет доказательства того, что диффузная сепаратистская война в этом регионе уже на протяжении многих лет ведется при активном участии Грузии и ее зарубежных покровителей. Совсем недавно появились очередные и, что крайне важно, документальные свидетельства, раскрывающие механизмы такого участия.

23 мая 2013 года во Владикавказе в рамках круглого стола «Российско-грузинские отношения на современном этапе» состоялась презентация книги «Убрать свидетеля». Автор — нынешний руководитель отдела по работе с общественными и религиозными объединениями министерства по национальной политике Чечни, политолог Ислам Сайдаев — на протяжении многих лет участвовал в информационно-пропагандистской войне против России на стороне незаконных вооруженных формирований (НВФ).

Ислам Сайдаев

Ислам Сайдаев был заместителем начальника информационного отдела непризнанной Чеченской республики Ичкерия (ЧРИ). Отдел работал на грузинской территории. Сайдаев в своей исповеди подробно повествует о тесном сотрудничестве грузинских властей и спецслужб с чеченскими бандформированиями, о войне, развязанной против России зарубежными спонсорами террористических организаций.

Рассмотрим несколько крупных сюжетов книги, имеющих отношение и к нашей недавней истории, и к нынешним «горячим» событиям на Кавказе, и к тем тенденциям, которые угрожают территориальной целостности страны в ближайшем будущем.

Сепаратистский тренд №1. Зарубежные базы и диверсионные рейды в Россию

Ислам Сайдаев рассказывает о том, что еще при президенте Э. Шеварднадзе грузинские власти при содействии американцев оказывали всяческое покровительство ичкерийским боевикам. С президентом ЧРИ А. Масхадовым (посетившем Грузию с визитом в 1998 году) была заключена «договоренность о беспрепятственном пропуске» членов НВФ через границу. Тогда же было налажено сотрудничество между представителями силовых ведомств. А также открыто Военное представительство ЧРИ, через которое закупалось оружие для «второй чеченской кампании».

Уже со второй половины 90-х гг. Панкисское ущелье в Грузии стало местом, где полевые командиры создавали свои базы, при помощи грузинских спецслужб приобретали (и переправляли в Чечню) все необходимое для продолжения «освободительной борьбы» и совершения террористических актов на российской территории (оружие, боеприпасы, медикаменты, одежда, продукты).

Довольно часто предназначавшаяся для беженцев «гуманитарная помощь» из Турции, Германии, США оказывалась у боевиков. Для этого использовалась, например, «зарегистрированная с помощью правитель-

ства Абхазии в изгнании Ассоциация реабилитации жертв военных конфликтов на Кавказе «Миллениум», изначально создававшаяся для помощи беженцам из Абхазии и Чечни». В этих операциях была задействована и американская благотворительная организация «Исламик релиф».

Под видом «гуманитарной помощи» членам НВФ поступали и современные средства связи. Цитата: «Пакистанец Али, организовавший поставку из США этих грузов, ... на самом деле был гражданином Великобритании и являлся штатным агентом английской разведки МИ-6. А оборудование, которое, как он утверждал, было получено от «Братьев-мусульман», представляло собой сверхсекретную военную радиостанцию последней модификации, доступ к которой даже в США имела только военная разведка».

Под крышей гуманитарных организаций работали «курьеры», снабжавшие полевых командиров финансовыми средствами (часть которых оседала в карманах грузинских спецслужбистов).

Автор книги «Убрать свидетеля» называет конкретные имена арабских наемников, которые готовили боевиков в лагерях Панкисского ущелья. Один из них, египтянин Сейф Ислам (Мохмад Мохамад Шабан), «бывший инструктор ЦРУ в Афганистане», воевавший в Ливане, Судане и Сомали. В 1992 году он в качестве международного представителя «Братьев-мусульман» прибыл в Чечню, где создал Центр подготовки террористов «Кавказ». Полевой командир А. Хаттаб — один из его учеников, осваивавших «минно-взрывное дело».

В Панкисском ущелье, где численность «моджахедов» достигала порядка 1,5–2 тысяч человек, обосновался и «главный финансист» ичкерийских боевиков Абу Хузейф, прибывший из Азербайджана. Здесь же один из эмиров Хаттаба — Амжет (Абу Хавс) готовил для переброски в Чечню «добровольцев из Турции, Египта, арабских стран».

Еще до осени 1999 года, когда И. Сайдаев по распоряжению министра по информации и печати ЧРИ А. Закаева оказался в Тбилиси, там уже основались эмиссары чеченских полевых командиров. Через представительство ЧРИ в Грузии проходили регистрацию все беженцы и боевики. Этот процесс находился под контролем грузинских спецслужб.

Именно в Панкисском ущелье скрывались члены «карачаевского джамаата», организовавшие осенью 1999 года взрывы жилых домов в Москве и Волгодонске. Отсюда, по договоренностям с грузинскими силовиками и при их помощи, начал свой рейд в Кодорское ущелье Р. Гелаев в 2001 году. Рейд большого отряда НВФ в Абхазию был организован во время визита Шеварднадзе в США, где ему указали на «негативные последствия» такой спецоперации. Имелась в виду такая реакция Абхазии и ее союзников на эту выходку, которая привела бы к полному краху очень нужного США грузинского политического режима.

На базах в Грузии, по утверждению И. Сайдаева, была сформирована боевая группа, осуществившая в 2002 году «захват заложников в московском театре на Дубровке, где в тот момент шел ... мюзикл «Норд-Ост»... Целый ряд сотрудников спецслужб Грузии был в этом замешан...»

Обратим внимание на очередную авантюру грузинских силовиков в ущелье Лопота в августе 2012 года (разобранную в предыдущем номере), поданную как успешная спецоперация против террористов (якобы, заброшенных на территорию Грузии со стороны Дагестана). Это — яркое свидетельство того, что и в 2012 году Панкисское ущелье (куда было предложено уйти группе боевиков, подготовленной местными спецслужбами) рассматривается как удобное место для обучения и укрытия террористов.

Необходимо подчеркнуть, что подготовка бандформирований для экспорта в Россию ведется не только на территории Грузии. 20 мая 2013 года в подмосковном

Орехово-Зуеве органами ФСБ была проведена спецоперация против группы боевиков (из трех человек), готовившей теракт в Москве. По предварительным данным, потенциальные террористы (двое из них были убиты) проходили «диверсионную подготовку в лагерях боевиков в районе афгано-пакистанской границы... для совершения терактов на территории России». По предварительным данным, речь идет о т.н. зоне племен в Пакистане, где расположены базы движения «Талибан».

Итак, количество «учебных центров», где готовят террористов для рейдов в Россию, растет...

Сепаратистский тренд №2. «Имарат Кавказ» — террористическое подполье на территории России

Согласно утверждению автора книги «Убрать свидетеля» И. Сайдаева, «идея создания Имарата (Эмирата) Кавказ принадлежала спецслужбам Грузии, усилению насаждавшим ее» среди лидеров НВФ.

Доку Умаров, создавший в 2000 году в Панкисском ущелье свою базу, вошел тогда в достаточно близкие деловые отношения с главой Антитеррористического центра МГБ Грузии Ливаном Кинчадзе (и его окружением). Кроме того, активные контакты были и с руководством других силовых ведомств.

С начала 2000-х на совещаниях с участием грузинских силовиков и «чеченских беженцев», по утверждению Сайдаева, обсуждалось предложение «заявить о том, что Чеченская республика Ичкерия является правопреемницей Абхазского Эмирата Узун Хаджи». Речь идет об исламском государстве (шариатской монархии во главе с эмиром Узун-Хаир-Хаджи-Ханом), которое охватывало территории Чечни и Западного Дагестана и просуществовало с сентября 1919-го по март 1920 года. По мнению некоторых экспертов, такая «правопреемственность» давала полевым командирам возможность «развернуть новую Кавказскую войну под флагом радикального ислама».

Осенью 2007 года этот сепаратистский проект возглавил Доку Умаров. Он объявил себя «амиром моджахедов Кавказа» и стал с помощью своих зарубежных спонсоров строить террористическое исламистское подполье, заявив о включении в свой Кавказский Эмират Чечни, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северо-Осетии (Алании). А также части Ставропольского края. А также Поволжья и Урала.

Значительная часть террористических актов против военнослужащих и мирного населения — дело рук этой «подпольной джихадистской сети». Вот одни из последних.

20 мая 2013 года в Махачкале у здания управления службы судебных приставов были взорваны два автомобиля с интервалом в 15 минут (классический стиль «джихадистов»: «двойной подрыв»). Погибли 4 человека, более 50 были госпитализированы.

25 мая опять в Махачкале недалеко от здания республиканского МВД террористка-смертница привела в действие взрывное устройство. Более 10 человек получили ранения. По предварительным данным, теракт осуществила вдова боевика, примкнувшая к рядам вооруженного бандподполья и прошедшая «спецподготовку» в одном из лагерей смертников.

Напомним, что главный исполнитель теракта на бостонском марафоне Т. Царнаев, находясь в первой половине 2012 года в Дагестане, посетил семинары, проводимые в Грузии «Кавказским фондом» совместно с американской НПО «Джеймстаун», а также искал через посредников выход на террористическое подполье.

14 мая одного из таких потенциальных кандидатов на роль «посредника» допрашивала ФБР. Им оказался бывший личный охранник А. Закаева — Муса Хаджимурадов. В 2004 году он приехал в США в рамках «программы ООН по защите беженцев». М. Хаджимурадов парализован ниже пояса

(результата ранения, полученного в Чечне) и передвигается только в инвалидной коляске, но он был давно знаком с будущими «бостонскими террористами».

Оказавшись в США в 2004 году, М. Хаджимурадов, по его словам, уже в 2006-м «познакомился с семьей Царнаевых, после чего периодически общался с Тамерланом по телефону и трижды принимал в своем доме в Манчестере». Можно предположить, что встречи были чаще, ибо, по данным спецслужб, «Т. Царнаев практиковался в стрелковом тире в Манчестере, который находится в нескольких кварталах от дома М. Хаджимурадова».

Странные факты, всплывающие при расследовании бостонского теракта (совершенного 15 апреля 2013 года)... Попытка агента ЦРУ и сотрудника посольства США в Москве Р. Фогла за очень крупную сумму завербовать (почти через месяц, 13 мая) представителя ФСБ, занимающегося «борьбой с терроризмом на Северном Кавказе»... Зафиксированное в книге И. Сайдаева участие грузинских спецслужб в создании террористического подполья на Юге России, которое не могло происходить без американских кураторов...

Все это говорит о сложной коварной игре, которую ведут США и их союзники на нашей территории. И некоторые «промежуточные результаты» этой игры вызывают уже глубокую обеспокоенность.

Сепаратистский тренд №3. Работа с диаспорами, «черкесский вопрос»

Вновь стоит обратиться к книге «Убрать свидетеля».

Для того чтобы достаточно независимо осуществлять свою деятельность в рамках информационного отдела ЧРИ в Грузии, И. Сайдаев согласился помогать местным спецслужбам по «абхазской проблематике». Совместно с «правительством Абхазии в изгнании» (прочно связанным с местной властью) были зарегистрированы: Ассоциация по реабилитации жертв военных конфликтов на Кавказе «Миллениум» и Кавказское Информационное Бюро «КИБЕ».

С начала 2000 года и по август 2001-го с использованием связей среди чеченской диаспоры велась активная работа по лоббированию на международном уровне точки зрения официального Тбилиси на абхазскую проблему. В частности, удалось построить отношения с черкесско-абхазской диаспорой в Турции и некоторых других странах. Тогда же в столице Кабардино-Балкарии Нальчике, по словам И. Сайдаева, начался диалог «с одним из лидеров «Адыгэ Хасэ» — организации, защищающей интересы адыгского народа — Ибрагимом Ягановым»...

Судя по интервью главы общественной организации «Хасэ» И. Яганова, датированному 15 мая 2013 года, многолетний диалог развивается довольно опасную тенденцию: «Только в российской интерпретации... слова национализм и сепаратизм являются ругательством... В историческую Черкессию входят также территории Ставропольского и Краснодарского края... Мы имеем право на свое жизненное пространство?.. Работаем с разными общественными организациями, в том числе иностранными... Фонд «Кавказ» в Тбилиси работает уже несколько лет, он обучал десятки студентов, не только из КБР, но из Дагестана, Чечни и других регионов».

В своей книге Ислам Сайдаев, вернувшийся в Россию в 2009 году, пишет: «Мой опыт общения с кавказскими партнерами показал, что именно Россия, а не Америка, является истинным союзником мусульман, а самое главное, что чеченцы никому больше не нужны, кроме России».

Главное, чтобы это поняли не только те, кто «прозрел», но и те, с кем ныне «прозревшие» в свое время начинали далеко идущие антироссийские «диалоги».

Эдуард Крюков

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Создаются и поддерживаются странные суеверия, что ночью в музее время течет вспять, что там появляются привидения и двойники

«Ночь музеев» или арт-тусовка?

Папа Франциск в своей недавней речи перед собравшимися в Ватикане дипломатами заявил, что свободный рынок превратился в тиранию, в котором люди ценятся только как потребители, и призвал политиков положить конец культу денег.

Известный философ Жан Бодрийяр в своей книге «Общество потребления» (1970 г.) так охарактеризовал произошедшие с человечеством перемены: «Собственно говоря, люди в обществе изобилия окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления... Отношение потребителя к действительному миру, к политике, истории, культуре не является отношением интереса, участия, принятой ответственности — оно не является и тотальным безразличием: это отношение лоботряпства».

Вот это отношение бесплодного лоботряпства, несерьезного, поверхностного пробегания мимо в поисках все новых и новых впечатлений уже затронуло и наиболее важную сферу жизни человека, а именно — культуру.

В последние годы все больше стран поддерживает ставшую уже международной необычную акцию «Ночь музеев». Это когда одну ночь в году практически все музеи открывают свои двери для бесплатного посещения.

Идея проводить ночь в музее возникла в Берлине еще в 1997 году и быстро распространилась на другие европейские столицы. В 2001 году в акции приняли участие уже 39 стран Европы и Америки, и постепенно это мероприятие приобрело название «Ночь музеев».

В России впервые акция была проведена в 2002 году в музейном центре Красноярск, а в 2007 году к ней присоединилась и Москва. И если вначале в столичной программе участвовали несколько музеев, которые работали до 21.00, то в этом году для посетителей были открыты более двухсот пятидесяти музеев, а сама акция собрала более миллиона участников.

Цель акции заявляется как культурно-просветительская: повзрослеть (в первую очередь) у молодежи интерес к посещению музеев, привлечь внимание к музейным коллекциям, да и вообще сделать поход в музей интересной формой досуга.

Вместе с музеями в акции принимали участие и другие заведения, занимающиеся распространением культурного наследия: театры, концертные залы. В библиотеках и книжных магазинах прошла акция «Библио-ночь». Среди участников были магазины «Москва», «Библио-Глобус», книжный магазин «Фаланстер» и другие.

Для удобства передвижения всех участников «Ночи музеев» в Москве были введены специальные экскурсионные маршруты автобусов, от некоторых станций метро в музей и усадьбы пущен дополнительный транспорт.

В общем, фестиваль «Ночь музеев» в Москве — это «культурная бессонница столицы». Казалось бы, — Ночь и Музей — что может быть интереснее и поэтичнее?

Но что же в результате получилось?

Музеи бросились предлагать такие формы «интересного досуга», которые почему-то далеко выходят за рамки озонакопления с музейными коллекциями. Пример афиши-рекламы: «Ночь в музее» — единственное время в году, когда множество музеев открыто для посетителей в вечернее и ночное время. Помимо экспозиций и выставок, посетителей ждут специальные мероприятия: арт-проекты, видеомонтажи, концерты классической и джазовой музыки, мастер-классы и многое другое».

В этом году акция начиналась и проходила не столько в выставочных залах, сколько за их пределами. Поход в Музей изобразительных искусств имени Пушкина начинался с шоу оживших скульптур на ступеньках здания. В Третьяковской галерее посетителей сопровождали разные этнические ансамбли. Популярный музей «Винзавод» привлекал посетителей обещанием запуска воздушных шаров.

Министр культуры Владимир Мединский, присоединившийся к музейному марафону, посетил 8(!) музеев и предложил такие ночи проводить чаще — «четыре (!) раза в год», потому что «важно, чтобы молодежь привыкала ходить в музей... как дети приходят в Диснейленд».

Ну, а если министр сказал про «Диснейленд», то все и стали действовать в этом направлении! И как-то очень быстро все скатилось к банальной развлекаловке.

Ну, допустим, все это подойдет для времяпрепровождения молодежи, но причем тут музей? Ведь этот праздник называется «Ночь музеев», а не ночь приколов, дизайна, современного искусства, дискотек, веселья и пр. Акцию задумывали и организовывали для того, чтобы привлечь внимание к музеям, вызвать интерес к ним, увеличить их посещаемость, и даже духовно развить посетителя, заставить задуматься. Но не тут-то было.

В отличие от подавляющего большинства музеев, продливших время своей работы в «Ночь музеев» до 23 часов, Центр дизайна Artplay, (в котором регулярно проходят выставки современного искусства, концерты альтернативной музыки, мастер-классы и др.) объявил гулянье на всю ночь. Здесь было представлено все: музыка, игры, перформансы, фотовыставки, молодежь веселилась, работали клубы и рестораны. Одним словом, Artplay провел классическую тусовочную ночь и отвлек на себя значительную часть той самой молодежи, ради которой все затевалось.

В Парке Горького тоже шла веселая гулябля, концерты, прогулки под луной, так сказать, много веселья и радости. Это тоже к музеям отношения не имело.

Получилось так, что задуманное как культурно-познавательное, мероприятие «Ночь музеев» превратилось в очумелое метание по городу шумных толп молодежи (отчасти нетрезвой), которые ломались во все открытые ночью музеи, пустующие в дневное время суток.

Кто-то, может быть, помнит стихотворение для детей Сергея Михалкова:

*«В воскресный день с сестрой моей
Мы вышли со двора.
— Я поведу тебя в музей! —
Сказала мне сестра».*

Здесь все, как и положено: день, музей, торжественность, искусство.

Но «ночь в музее» — это нечто другое. Все опять, как и многое в современном мире, перемешивается: белое (день) меняется на черное (ночь). В темноте возникает мистика, всевозможная эзотерика, могильные сюжеты. Молодежь и без таких «ночей в музеях» уже празднует пришедший к нам с Запада Хэллоуин, день зомби и другие черные праздники всевозможных субкультур (одни готы чего стоят!).

Можно сказать, что интерес к ночным походам в музеи был подогрет сначала книгой Дэна Брауна «Код да Винчи», а потом и одноименным фильмом. Все разборки между представителями тайных орденов происходят в Лувре, рядом с портретом

Моны Лизы. Создаются и поддерживаются странные суеверия, что ночью в музее время течет вспять, что там появляются привидения и двойники. И, похоже, именно на это щекотание нервов устроители действа и привлекают посетителей.

Однако крупные государственные музеи в Москве закрылись в 23.00. А в Санкт-Петербурге в этом году от участия в акции отказались Эрмитаж, Петропавловская крепость, Русский музей и др. Из-за огромного наплыва желающих посетить музеи именно ночью некоторые петербургские музейщики называют «Ночь музеев» — «Ночью кошмаров на берегах Невы».

Зато в Санкт-Петербурге неожиданно возник новый музейный маршрут: Лазаревское кладбище Александрово-Невской лавры, где похоронены М. Ломоносов, Н. Карамзин, Ф. Достоевский, П. Чайковский. Там ночью можно было пройти среди могил в компании «великих людей» (актеров в бутафорском гриме) и послушать стихи.

А в Москве бешеной популярностью пользовался «Музей Булгакова», расположенный неподалеку от не менее популярного ночного клуба «Б2». Одним словом, можно и в музей, можно и в ночной клуб, лишь бы «прикольно было». Очередь в «нехорошую квартиру», где когда-то проживал Воланд, растянулась по улице на сотни метров, а потом множество людей металось по Патриаршим прудам, выглядывая на парковых аллеях черных котов и летающих ведьм.

В Новосибирске галерея «Респект» совместно с Музеем погребального искусства представила выставку о человеческих страхах.

Впечатление от «Ночи музеев» описывает блогер под ником Катюша Мельникова: «Была выбрана выставка «Мифы и страхи»... ждал нас спуск в подвал, стены, исписанные граффити, на каждом повороте возникал... то маньяк-татуировщик в каждом переднике мясника, то стены в черепках, то вахтеры с гробами...».

Но что было делать музеям провинциальных городов, которые представляют собой традиционные «храмы культуры»? Поскольку завоевывать посетителей на ночь было тоже необходимо, то каждый «спасался» как мог.

Например, в Краснодаре «Ночь музеев» была посвящена спорту и здоровому образу жизни.

Новосибирские музейщики в Музее СССР в торжественной обстановке принимали посетителей в пионеры. А рядом, в ретро-ателье дамы примеряли шляпы с перьями, а мужчины — мундиры времен Первой мировой.

Темой «Ночи музеев» в краеведческом музее Тольятти стала «Игра с реальностью». Посетителю выдавали символическую рамку, через которую надо было смотреть на происходящее в музее. Устроители объясняли выбор рамки тем, что «с одной стороны, это суживает пространство осмысления, а с другой — значительно расширяет внутреннее пространство зрителя».

В Перми в этнографическом музее «Дом Мешкова» организаторы оживляли картины прошлого, посетители танцевали вальс и рок-н-ролл. А дети и многие взрослые интересовались обмундированием немецких и советских солдат времен Второй мировой войны (немецкими даже больше). И рвались поддержать в руках немецкий «шмайссер» или сфотографироваться на память с ряженым «немецким офицером».

Всероссийская ночная музейная тусовка уже приносит свои плоды. И плоды эти — все более легкомысленное отношение к музеям как таковым, музейным раритетам, памятникам, и в целом — к исторической памяти народа.

И вот уже 19 мая (кстати, на следующий день после «Ночи музеев») в Тольятти у Вечного огня павшим в Великой Отечественной войне несколько молодых людей почтили память людей, умерших от СПИДа(!). В частности, лидера группы Queen — Фредди Меркьюри.

В миску, которую поставили перед Вечным огнем эти, с позволения сказать, граждане, (в которых местные жители опознали представителей тольяттинской ЛГБТ-тусовки, т.е. защитников прав сексуальных меньшинств), положили презервативы. Один из активных участников действа, Константин Голава, руководитель местной организации политической партии «Западный выбор», прояснил, что «презервативов мы не возлагали... просто поставили миску... Мы их потом раздали населению в парке...». Ну да, конечно, это же «западный выбор», право на свое мнение! Эти друзья в Тольятти не видят ничего особенного в своих действиях. Это всего лишь продолжение всеобщего перформанса. Этакий хэппенинг...

Описав, что именно происходит, давайте поразмышляем с общих позиций. Хотим воспитывать людей, усилив привлекательность музеев и... И превращаем музеи... Во что? В дискотеки с мистическим налетом? В места глумления над историей? А почему бы тогда не превратить их в пивбары? Или в бардаки? Во как привлекутся-то «воспитуемые»!

Тебе это ничего не напоминает, читатель? Перестройку, например, тебе это не напоминает? А почему? Хотели спасти социализм. И ненароком устроили такое... Уже двадцать лет разобраться не можем... А под каким лозунгом все это устроили? Под лозунгом большей привлекательности обновленного социализма... Для кого? Для воров в законе?

Теперь говорится о большей привлекательности культуры... В частности, музеев, но ведь и не только. Подчеркиваю, привлекательной культура для антикультурного элемента может быть только в случае, если антикультурному элементу позволят разрушить культуру. Такое вот печальное размышление... Главное, чтобы кому-то не захотелось увеличить привлекательность Российской Федерации, ну, я не знаю, для Аз-Завахири и его «Аль-Каиды»... Или для американских оккупационных войск. Вы скажете, я перебираю? Ой ли!

Марина Волчкова